

Воронин Константин

---

*Выживальщик.
На островах*

Константин Воронин

Выживальщик. На островах

«Издательские решения»

Воронин К. Э.

Выживальщик. На островах / К. Э. Воронин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836364-1

Пряча по нычкам, схронам и бункерам тушёнку, крупы, соль и спички, выживальщики не знают, настанет ли «день X». Но, если это произойдёт, они готовы к нему, как никто другой.

ISBN 978-5-44-836364-1

© Воронин К. Э.
© Издательские решения

Содержание

Выживальщик. На островах	6
Глава I. Происшествие местного значения	6
Глава II. Две части Марлезонского балета	9
Глава III. Убийца	13
Глава IV. Если пахнет дымом...	19
Глава V. Скучные бытовые хлопоты	23
Глава VI. Соперницы	27
Глава VII. Прибавление в семействе	31
Глава VIII. Женщины мои	34
Глава IX. Первый дождь	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Выживальщик. На островах

Константин Энгелович Воронин

© Константин Энгелович Воронин, 2017

ISBN 978-5-4483-6364-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выживальщик. На островах

Глава I. Происшествие местного значения

Дом ощутимо тряхнуло, и экран монитора погас. Я чертыхнулся. Сотрясения дома от взрывов на руднике, расположенном вблизи, были привычными. А вот электричество давненько не отключали. Хорошо, хоть чайник успел вскипятить. Пойду, попью кофе, а последние новости в Интернете дочитаю, когда включат свет.

Из-за зашторенного окна слышался какой-то мерный, однообразный шум. И хотя пластиковые окна обладали хорошей звукопроницаемостью, шум просачивался и был непривычным.

Пройдя на кухню, стал насыпать в чашку сахар и растворимый, гранулированный кофе. Со стороны кухни шум доносился привычный: лаяли собаки и гомонили громкие голоса. Вот только голосов этих становилось всё больше и больше. Когда их стало слишком много, я перестал размешивать сахар, отхлебнул из чашки кофе и отдернул плотную штору на кухне. Надо было посмотреть, что за бучу подняли люди во дворе.

Яркий солнечный свет ударил по глазам. – Ох, ну ни хрена себе! – вырвалось непроизвольно при виде, открывшемся из окна. Дома напротив не было. И домов, которые стояли за ним, тоже не было. До самого горизонта тянулись зелёные заросли из которых вдалеке торчали зубцы невысоких гор. Не было подтаявших апрельских сугробов. Не было машин, обычно стоявших во дворе. И самого двора не было. Тротуар, шедший вдоль дома, был, а сразу за ним зеленела густая трава. Метрах в двадцати начиналась опушка леса.

Машинально сделав глоток кофе, прошёл быстро в свою спальню, расположенную на другой стороне дома. Раскрыл шторы. Отделённая от дома узкой полоской зелени, простиралась безбрежная водная гладь. Монотонный шум, который я услышал из-за окна, был рокотом прибой.

Вернувшись на кухню, распахнул окно. Тёплый летний воздух ворвался в помещение. Высунувшись наружу, увидел жильцов нашего дома, толпящихся на узкой асфальтовой дорожке тротуара, который обрывался метрах в трёх по обе стороны дома. Собаки всю лаяли на зелёную стену зарослей, люди беспрерывно кричали, перебивая друг друга, размахивая руками. Орала дети, верещал младенец, мяукали коты и кошки, вылезшие из подвалов и из квартир. Гвалт стоял невообразимый.

Закрыв окно, сел на кухонную табуретку и закурил. Так. Это не глобальная катастрофа, не всемирный Апокалипсис. Это локальное происшествие. Версии о том, что это сон или глюки не было. Трезвый и ясно мыслящий, не принимающий наркотиков, психотропных препаратов, снотворного и прочей дребедени, я был, как никто другой в нашем доме готов к такому развитию событий.

Когда мои родители погибли в автокатастрофе, раздавленные «КамАЗом», за рулём которого сидел вдребезги пьяный водитель, я хотел обменять трехкомнатную квартиру, в которой мы жили, на меньшую. Но лень было возиться с обменом. Потом подумал, что, если женюсь и пойдут дети... Так и остался жить один в трехкомнатной. Заработка хватало на коммунальные платежи, нехватки денег не ощущал.

Одно время, увлечшись муссируемой в Интернете темой Апокалипсиса, прочёл на многочисленных сайтах кучу статей о грядущем конце света. На тех же сайтах и многих форумах

были рекомендации и советы по выживанию в условиях ядерной зимы, всемирного потопа, падения огромного астероида и прочих глобальных катаклизмов.

Продав родительскую двуспальную кровать, трехстворчатый шкаф и стол, полностью освободил от мебели одну комнату. Там и хранились мои запасы. Кроме того, кое-что было распихано по другим комнатам, а два чуланчика были набиты «под завязку».

Поэтому, сейчас я не захотел присоединяться к уличному митингу. Догадывался, что там впустую мелют языками, обсуждая, что произошло, как произошло и что теперь делать.

Что делать – я прекрасно знал. Из секретера, служившего мне баром, достал бутылку, влил чайную ложку коньяка в чашку с кофе и закурил вторую сигарету подряд.

Надо было тщательно продумать свои дальнейшие действия, не спешить, не метаться. Пока я составляю план, может быть и так, что дом перенесут обратно на своё место те же самые силы, которые забросили его сюда, на берег моря-океана, посреди зелёной тропической растительности.

Если же этого не случится, надо будет выживать в сложившихся условиях. Без электричества, водопровода, канализации. И делать это лучше всего в одиночку. Изначально меня не прельщала мысль о выживании со всем населением дома. Во-первых, моих запасов на всех не хватит. Во-вторых, мне не хотелось становиться спасителем для всех, без исключения, обитателей шестидесяти квартир.

Впрочем, в каждом из трёх подъездов дома есть нежилые квартиры. К примеру, в нашем подъезде их две. Соседняя с моей однокомнатная квартира пустует. Дверь в неё заколочена здоровенными гвоздями. Нет, при всемирном катаклизме, например, после ядерной войны, лучше держаться сообща с другими людьми. Там в одиночку не выжить. А вот сейчас работает принцип – каждый сам за себя.

В нашем подъезде я не знал почти никого, не говоря уже о соседних подъездах. Жил здесь всего три года. Отца пригласили на здешний рудник на работу. Они с мамой сразу же въехали в эту квартиру. Я в это время служил в армии. Так вот и вышло: призывался из одного города, а после «дембеля» приехал в другой. Все друзья-товарищи остались в прежнем городе, а здесь новыми как-то не обзавёлся. Тем более, что работал дома, зарабатывая себе на хлеб с маслом в Интернете.

Здоровался с примелькавшимися в подъезде соседями и не более. Немного общался только с приветливой старушкой, жившей на третьем этаже – тётёй Варей. Пару раз поболтал с ней о погоде, стоя возле дверей подъезда, да как-то помог дотащить из магазина тяжеленную сумку.

Опять раскрыв окно, окинул взглядом людей, толпившихся возле дома. Десятка полтора пенсионеров – старушек и стариков. Полтора десятка мужчин и десятка два женщин. Около двух десятков детей. Ну, правильно. Перенесло дом (знать бы ещё: куда, и кто, и зачем) в начале десятого утра. Сегодня пятница, будний день. Большинство детей в школах и детских садах. Часть взрослых ушла на работу. Кто-то пошёл в магазин. Дома были те, кто не работает; те, кому в вечернюю смену на работу; те, кто сегодня выходной или на больничном. Дети дома остались или из-за болезни, или решили «сачкануть» – не ходить в школу.

На тротуар из среднего подъезда выкатили ярко-красный скутер. Это дед с первого этажа, не зная, куда потратить пенсию, приобрёл себе японскую или китайскую «тарахтелку». Сзади, резинками от эспандера, была прикреплена двадцатилитровая канистра. Застрекотал мотор и, под восторженные вопли мальчишек, старик с важным видом, доехав до конца асфальта, свернул за угол, в сторону побережья.

Мальчишки, бросившиеся за ним, через пару минут прибежали назад с криками: «Море! Там море!». Все дружно ринулись в сторону морского берега и тротуар перед домом опустел.

Про море я знал. Дед, похоже, отправился на скутере на разведку. Пора было двигаться в путь и мне. Камуфляжный костюм, высокие кожаные берцы, на поясе фляжка с водой и два ножа. Финка и «Тайга» – универсальный нож, похожий на мачете.

Пользуясь тем, что чайник не успел остыть, развёл кофе и заполнил им литровый термос. Но с собой его брать не стал, оставил дома. Быстренько провёл ревизию в холодильнике. Так, в морозилке две свиные отбивные и куриная грудка. День-другой пролежат, завёрнутые в фольгу, пока холодильник окончательно не разморозится. Два литровых пакета яблочного сока – это здорово! С пол-литра молока в открытом пакете. Выпью молочка на дорожку. Полукопчёная колбаса, масло, сыр – наделать себе бутербродов на весь сегодняшний день. В хлебнице целый батон и половинка чёрного. Вчера вечером, как провидение, понесло меня в булочную. Растяну на два-три дня. Открытый кетчуп – дня три простоит. Майонез съем за ужином, открытые консервы – тоже на ужин. Хорошо, что вчера не набрал пельменей, было такое намерение.

Всё, надо идти. Подошёл к металлическому шкафу, стоящему в спальне, отпёр оба замка. Вот оно – моё главное богатство. Пятизарядное помповое ружьё 12-го калибра (шестой патрон – в стволе), с полусотней патронов, пулевых и картечных. Газовый пистолет «Браунинг» с запасной обоймой. Каждая – на пятнадцать патронов. И наконец – гладкоствольный карабин «Сайга» с двумя десятизарядными магазинами и двумястами пулевыми патронами. Взяв «Сайгу», решил не тащить помповик и не очень-то пригодный для полевых условий газовый пистолет. Им только шум производить.

Чуток поразмыслив, положил в рюкзачок пачку с двадцатью патронами. Снаряжённый магазин сунул в набедренный карман камуфляжных штанов. Второй воткнул в карабин, переделёрнул затвор, загоняя патрон в ствол, поставил на предохранитель. Бутерброды и бинокль лежали в небольшом рюкзаке за спиной.

Тщательно заперев на два замка наружную тяжёлую металлическую дверь квартиры, вышел на улицу и слегка сощурился от яркого солнечного света. Противосолнечные очки я никогда не носил, считая это ненужным пижонством.

Пошёл, для начала, направо, туда же, куда уехал на скутере старик. В торце нашего дома находилась сберкасса. Сейчас на крылечке, перед запертой металлической дверью, топтались двое мужчин.

– Эй, мужик, у тебя лома или монтировки не найдётся? – окликнули они меня, – хотим вот Сбербанк распотрошить. В доле будешь. Там денег-то немеряно.

Отрицательно помотав головой, пошёл дальше, не пускаясь с ними в дебаты. Лом и монтировка у меня были, но я не собирался давать их кому попало. Тем более придуркам, которые думают, что в джунглях им пригодятся деньги. Разве что, купюрами костёр разводить.

Через полсотни метров дорогу мне перегородила неширокая речка. Она текла в сторону моря (океана? Пусть будет пока море, термин роли не играет). Речку легко можно было перейти вброд, но я повернул назад, на сто восемьдесят градусов. Меня не устраивала близость реки к дому. Сюда ринется за питьевой водой всё население дома. Мне нужен был более отдалённый питьевой источник.

Возле дверей сберкассы толклись уже трое, четвёртый нёс из дома лом. От берега к дому тянулись люди.

– Людка, купальник-то есть? – кричала одна женщина другой.

– Мам, где мои плавки? – канючил десятилетний пацан.

Искупаться все решили. Ну-ну. Только это не Сочи и не пляж пионерлагеря. Буйков нет, спасателей тоже. Что в воде – кто знает?

Глава II. Две части Марлезонского балета

Прошагав мимо дома, вышел на кромку песчаного берега и пошёл вперёд быстрым шагом. Но, по мере удаления от дома, стал идти помедленнее. Море, что было по левую руку, меня не интересовало. Изредка бросал на него взгляд и отводил – море пустынно. А вот зелёные заросли справа разглядывал тщательно, ища просвет между деревьями.

Обнаружив поляну, снимал «Сайгу» с плеча и углублялся в зелень. Две осмотренные поляны мне не подходили. Одна была совсем маленькой. Другая – побольше, но без всяких признаков пресной воды поблизости. Прошагав часа три, пройдя от дома, по моим прикидкам, около десятка километров, решил устроить небольшой привал с перекурком. Солнце припекало уже изрядно, но куртку я не снимал. Укусит какая-нибудь тварь летучая в руку, распухнет она, как бревно, будет мне весело. Лучше попотеть чуть-чуть.

Сквозь шум прибора услышал стрёкот мотора. Вдали показалась красная точка, двигавшаяся у самой кромки воды. Вскоре стало ясно, что это – дедок на скутере. Я подошёл к воде. Дед рассудил правильно, по утрамбованному водой песку, он ехал почти, как по асфальту. Заглушив мотор в шаге от меня, спросил:

– Ты из нашего дома, вроде?

Я кивнул.

– Далеко до дома-то? А то бензина осталось километров на тридцать.

– Тогда хватит. Чуть больше десяти надо проехать. Я так понимаю, что это – остров?

– Точно. Всю дорогу восемьдесят километров выжимал. Две с половиной сотни на спидометр намотало. Море и море вокруг. Как же это нас угораздило?

Я пожал плечами. Знал не больше, чем он. А вот то, что мы на острове – знать очень ценно. Спасибо деду, не пожалел бензина. Хотя мог потратить его с большей пользой. Значит, остров с периметром в двести пятьдесят километров. Диаметр, выходит, около тридцати км. Это, если круглый...

Пожелав деду счастливого пути, пошёл дальше. За спиной заработал мотор, звук стал удаляться. Встреча со стариком принесла мне удачу. Почти сразу же увидел в песке промоину от воды, вытекавшей из леса. Двинулся вдоль ручейка и вышел на чудную поляну. Будучи размером около двухсот квадратных метров, она одним своим концом примыкала к невысоким горам. С горы и стекал ручей, точнее – родник. Кустарника на поляне практически не было, только густая зелёная трава.

Вот здесь я и обоснуюсь. Великолепное место. И всего в десяти километрах от дома. Зачерпнув ладонью ледяную воду, струившуюся по камням, и падающую в каменную чашу, с удовольствием попил. Чистейшая вода, без запаха и без привкуса. Что ж, первая часть «Марлезонского балета» исполнена – место нашлось. Вторая будет труднее. Надо обживаться.

К дому вернулся около пяти вечера, по моим земным часам. На лавочке возле нашего подъезда сидела тётя Варя и ещё какая-то старушка. Они со мной поздоровались, я вежливо ответил.

– Далеко ли ходил, Володя? – спросила тётя Варя, – Алексеич тут в обед вернулся на своём мотоцикле, сказал, что на острове мы теперь живём. За какие же грехи нас сюда засунули, на остров этот?

Я, как и в случае с Алексеичем, пожал плечами. А тётя Варя продолжала информировать:

– Воду тут в речке нашли неподалёку. Ничего, чистая, пить можно. А купаться в море не ходи. Трое уже утонули. Светка с мужем из первого подъезда и Вовка Петренко из второго. Сначала эти двое в воду полезли. И вдруг не стало их. Вовка-то уже в воду залез, хотел на берег вернуться. Да только руками махнул, заорал и тоже исчез. Теперь боятся все в воду соваться.

Это известие меня не удивило. В море, наверняка, есть какие-нибудь хищники. Так что, сегодня они знатно пообедали. Хорошо, хоть не скопом в воду кинулись и Петренко этот успел закричать. А то утопленников было бы больше.

Поднявшись к себе на пятый этаж, я стал готовиться к завтрашнему дню. Заправил бачок на бензопиле, вынес в коридор к входной двери двадцатилитровую алюминиевую канистру с бензином. Садовая тележка, на двух резиновых колёсах большого диаметра, рассчитана на вес в сто тридцать килограммов. Ничего, будет чуть больше, не развалится, новая.

Но бензопилу придётся тащить на плече, на ремне. Потому, что в тележку, кроме канистры, я положу мотки колючей проволоки, которые успел достать из чулана.

Шёл я как-то из магазина с бутылкой пива. Из стоящего «Урала» меня окликнули солдаты:

– Пивком не угостишь?

А я уже тогда начал копить свои запасы. Вот и ответил:

– Угостить не угощу, а на что-нибудь армейское сменяю.

– Да нет у нас ни хрена. Колочка только. Ездили ставить, так четыре мотка остались.

– Давайте всю проволоку и забирайте всё пиво.

Счастливые солдатики выкинули колючую проволоку из кузова и, блаженствуя, принялись сосать пиво из горлышка.

Магазин был рядом с домом, я потихоньку перекатил мотки к подъезду и по одному затащил в квартиру, переколов себе все руки. Вот ведь, какгодились!

Топор, молоток и гвозди положил в рюкзак. Туда же засуну остатки батона, пару банок рыбных консервов, бутылку с питьевой водой. Не хотелось рисковать и долго пить некипячённую воду из родника. Ещё прихватит желудок, испорченный цивилизованной пищей, потом мучайся с поносом. А это в мои планы не входило.

Отметив для себя, что солнце село в море в половине десятого вечера, после чего наступила абсолютная темнота, лёг спать.

Будильник поднял меня с постели в четыре часа утра. На улице ещё была темень. Наощупь найдя на кухне термос с кофе, подсвечивая фонариком-зажигалкой налил чашечку бодрящего напитка. Выкурил сигарету. Не люблю курить натошак, но сейчас нет возможности перекусить.

Осторожно нащупывая ногой ступеньки, стащил вниз колючую проволоку, канистру, тележку. Повесил на плечи карабин и пилу. Рюкзак ощутимо оттягивал плечи. Пока грузил проволоку и канистру в тележку, пока регулировал лямки рюкзака, на востоке начало светлеть. В путь я тронулся уже в полутьме. А вскоре из моря вынырнул краешек солнечного диска, озаряя всё ярким светом.

К тому времени я с превеликим трудом дотолкал тяжело нагруженную тележку до края воды. По мокрому песку катить её было значительно легче. Пилу пришлось положить сверху на мотки проволоки – болтаясь на ремне, она мешала идти. Через три часа нелёгкого пути, увидел оставленную мною вчера вешку, с привязанным к ней носовым платком.

Вновь пересёк пляж, провёз тележку по траве. Сняв канистру и пилу, вывернул на траву мотки проволоки. Скинул рюкзак, сделал пару глотков воды из фляжки. С наслаждением закурил, чувствуя, как начинает высыхать пот на спине. Мотки проволоки везти было тяжело, но сколько ещё таких рейсов мне предстоит! Ящики с консервами или мешки с сахарным песком будут не легче.

Вдруг я ощутил, что из зарослей за мной наблюдают чьи-то глаза. Зверь? Человек? Схватив бензопилу, дёрнул пусковой шнур. Отличная шведская «Гускварна» пронзительно завере-

щала. Взгляд сразу исчез. Значит, зверь. Карабин пришлось положить на моток колючки, он мешал работать. Но бензопила в ближнем бою – тоже грозное оружие.

Я работал, как одержимый. Недостаток умения при валке деревьев, восполнял рвением и энтузиазмом. Наградой мне стали двадцать шесть трёхметровых брёвен, очищенных от сучьев. Зелень со стороны моря не трогал, она маскировала поляну и защищала от ветра с моря. Углублялся в джунгли и заметно расширил свободное пространство. Верхушки деревьев, сучья, срезанный бензопилой кустарник, собрал в кучу. Высохнет, будет отличный хворост для костра.

За день сделал всего один получасовой перерыв, чтобы пообедать. На часах было семь вечера, когда я, спрятав бензопилу под колючую проволоку, сунув топор, молоток и гвозди под брёвна, засобирался домой.

Путь с пустой тележкой проделал намного быстрее. Солнце почти село в воду, когда подходил к дому. На улице никого не было. Окна все тёмные, только в одном из них горит свеча – кто-то оказался запасливым. Из одного окна неслись пьяные вопли, значит, спиртное ещё не всё выпили. Я успел затащить тележку на пятый этаж по полутёмной лестнице. Зажёг свечу, чтобы не блуждать по квартире впотьмах. Приготовил груз на завтрашний день. Поужинал остатками хлеба и консервами. Рухнул в кровать, чувствуя, как ноют натруженные мышцы. И провалился в сон.

Утром всё повторилось, как и вчера. Только проволоки был один моток, зато канистр с бензином – две. Штыковая лопата, лом, две ножовки (по металлу и по дереву), пара напильников. Пятилитровая бутылка с питьевой водой.

Прикатив тележку на «свою» поляну, по-быстрому её разгрузил. Закурил сигарету, короткий отдых перед тяжёлой работой. Помня о вчерашнем взгляде зверя из-за кустов, карабин снимать не стал, только перевесил через плечо. Неудобно, но ничего не попишешь.

На установку одного столба уходило минут двадцать. Один метр бревна я вкапывал в землю, оставляя заострённый конец высотой два метра. Установив четыре столба по краям участка, протянул между ними шпагат и принялся вкапывать через каждые два метра следующие столбы. Получился участок двенадцать на четырнадцать метров. 168 квадратов. Успел ещё спилить дерево для ворот. Пора собираться в обратный путь. Спрятав инструмент и бутылку с водой, пошёл к берегу. Услышав позади себя шорох, повернулся, вскидывая карабин, снимая его одновременно с предохранителя. Между деревьев мелькнуло большое тело зверя, и я выстрелил. И, конечно, промахнулся, времени тщательно прицелиться, не было. Но звук выстрела отпугнул животное.

До заката добравшись домой, поужинал опять консервами. И вновь заснул, как убитый.

На следующий день груз моей тележки состоял из двух конфорочной портативной газовой плитки, пятилитрового баллона с газом, сковородок, кастрюль, ножей, ложек и прочей кухонной утвари. Из морозилки вынул курятину и свинину. Они не испортились, но совсем оттаяли от заморозки, только фольга и спасала. Прихватил с собой несколько банок консервов, пару пачек галет, крекер, термос с остатками кофе.

Сегодня решил не возвращаться к дому, а переночевать в лесу, так как моя оборонительная ограда должна быть закончена.

Ночью на поляне кто-то побывал. Одна канистра с бензином была опрокинута. Хорошо, что закрывалась герметично. Трава была примята, подвытоптана. Не маленький зверь ходил.

Одел толстые брезентовые рукавицы. Карабин, как ни печально, работать мешал сильно. Поэтому оставил его лежать наготове неподалёку, всё время перетаскивая с места на место, поближе к себе. А на пояс повесил открытую кобуру с газовым «Браунингом».

Первый ряд проволоки протянул на высоте в десять сантиметров от земли. Это, чтобы никто не подлез под изгородь. Следующий ряд — на расстоянии в пятнадцать сантиметров от первого. Потом шли три ряда с промежутком в двадцать сантиметров и три — с промежутком в тридцать сантиметров. В итоге получилась изгородь из колючки высотой в сто семьдесят пять сантиметров. Каждый ряд был приколочен к столбам гвоздями взагиб. Между каждой парой столбов колючка шла не только горизонтальными рядами, но и была переплетена по диагоналям крест-накрест. Выглядела ограда довольно внушительно и прочно. Полутораметровые ворота закрывались на толстый кованный крюк. Столб, которым открывался проход в колючке, был утоплен в землю. Чтобы открыть ворота, надо было вытащить его из ямы. В столбах ворот были вбиты кольца, и ворота можно было запереть на прочный навесной замок.

Проработав весь день без обеда, я перевёл дух только в семь часов вечера. Одному трудно справиться с такой работой. До темноты оставалась ещё пара часов. Зажёг газовую плитку, поставил на одну конфорку кастрюлю, в которой варилась куриная грудка. Завтра обжарю её на костре. На второй конфорке на сковородке аппетитно шкворчали две свиные отбивные и запах жареного мяса плыл над поляной. Пока мясо готовилось, я быстро поставил двухместную брезентовую палатку, бросил туда спальник.

И тут на поляну из джунглей вышел тигр. Что, полосатый, свининки жареной захотел? Я осторожно дотянулся до лежащего рядом карабина. Каким тихим не был щелчок предохранителя, но чуткое ухо зверя его уловило. Тигр тотчас исчез. В оружии он разбирается, что ли? Как догадался, что это я не ложкой об сковородку брякнул?

Так, значит, тигр. Может он перепрыгнуть мою изгородь? А фиг его знает. Ладно, посмотрим, что дальше будет. А сейчас — жрать хочу. Именно, не есть, а жрать. Три дня недетской «пахоты» закончились. Дальше будет легче. Поставил на плитку чайник. Роскошь, конечно, на костре надо кипятить. Но сегодня можно и на газе. В честь окончания лесоповально-земляных работ. Нет, я и дальше буду пилить деревья для всяких своих надобностей. Однако, такого аврала, как в эти три дня, уже не будет.

Умял обе отбивные под галеты, заварил чай (люблю крепкий). Литровая банка с сахаром и банка с кофе были привезены вчера. Грудка ещё варилась. Я сидел около плитки, прихлёбывая горячий чаёк, попыхивая сигаретой. Благодать! За три дня убедился, что ни комаров, ни москитов, ни прочей кровососущей гадости здесь нет. Это было огромным плюсом. Можно ходить в ограде в майке и трусах. А то ведь, как вспомнишь слепней на Дальнем Востоке, особенно возле воды (служил я в морской пехоте Тихоокеанского флота, и в тайге бывать доводилось), так вздрогнешь.

Кастрюля с куриным бульоном поставлена на траву так, чтобы ненароком не перевернулась. Плитка выключена, баллон закрыт. Пора баиньки, скоро стемнеет. Влез в палатку, застегнул изнутри. В спальник залезать не стал, ночи тут тёплые. Использовал его, как матрац. С одного бока лежит «Сайга» с патроном в патроннике и снятая с предохранителя. С другого бока — мощный фонарь. Заявится ли ко мне ночью хозяин джунглей?

Заявился. Проснулся я посреди ночи от громкого звериного рёва. Подхватив «Сайгу», расстегнул палатку. И, только выкатившись кубарем из палатки, включил фонарь. Обежал лучом вдоль ограды. Никого. Глухой рёв послышался уже вдали. Но в одном месте проволока на изгороди прогнулась. Значит, всё же не перепрыгнул. Успокоившись, залез в палатку и безмятежно проспал до самого утра.

Утром осмотрел колючку. Проволока выдержала вес здорового зверя. Не зря её к столбам гвоздями-соткой приколачивал. На колючках висели клочки шерсти, и даже видна была засохшая кровь. Ну, сюда он больше не сунется. Проволоку выпрямлю позже. А сейчас надо сходить домой, прикатить тележку с необходимыми вещами и с частью еды.

Глава III. Убийца

Шёл вдоль кромки воды, тележку катил левой рукой. В другой руке зажата рукоятка «Сайги», приготовленной к стрельбе. Указательный палец лежит на спусковой скобе, готовый в любую секунду соскользнуть на спусковой крючок. Пока этот гад будет пересекать пляж, успею пару раз шамальнуть.

До дома дошёл благополучно. Жители толпились возле второго подъезда и опять митинговали. Не обращая на них внимания, зашёл в свой подъезд и поднялся на пятый этаж. Опаньки! Дверь соседней квартиры чуть-чуть приоткрыта. Значит, гвозди вынули. Оставив тележку на площадке, вошёл в соседнюю квартиру. Стену, соседствующую с моей квартирой, начали долбить ломом, но что-то, по-видимому, помешало. Та-ак! Ну, это надо пресекать в корне. Есть у меня в заначке кое-что.

В замке моей двери ковырялись, видны были свежие царапины. Оставив тележку в прихожей, поставив её на попа, чтобы не мешала проходу, пошёл на улицу. Толпа переместилась к первому подъезду. У нашего подъезда стояла тётя Варя и ещё две пенсионерки. У второго подъезда каменным изваянием застыла девушка. Видел я её неоднократно, жила она во втором подъезде. Довольно симпатичная. Только, несмотря на высокий рост и развитые формы, малолетка. В школе ещё учится. Училась.

– По какому поводу шум подняли? – спросил я у тётки Вари, главного моего информатора о жизни обитателей дома.

– Да вот, на Люду Петренко поутру тигр напал. И в лес её утащил. Осталась Наташка сиротой круглой. Вовка, отец её, ещё в первый день в море утонул. Ну, а девка-то она ладная. И решили наши кобели её в карты разыграть, кому она достанется. А, может, и всей сворой своей набросятся. Вон, в первом подъезде Алла живёт, так её мужики хором изнасиловали.

Я подошёл к девушке. Крупные слёзы текли из её глаз. При виде меня, она принялась размазывать их ладонью по щёкам.

– Ты плачь, не стесняйся. Мать, все-таки...

– Не хочу к этим козлам, – прошептала она сквозь слёзы.

– Не хочешь, и не надо.

– Так, заставят...

– Никто тебя не заставит. Сейчас мы этот вопрос порешаем, – и пошёл к первому подъезду.

Народ уже разошёлся. Остались стоять только полтора десятка мужчин. Я остановился в шагах семи-восьми от них. Моя правая рука лежала на рукояти «Сайги», висевшей на плече, при этом указательный палец лежал не на скобе, а на спусковом крючке.

– Мужики, кто-то из вас пытался залезть ко мне в квартиру. Сразу предупреждаю – это плохо для него кончится.

– Может, пацаны баловались, – попытался откреститься один из них.

– Ага. И гвозди двухсотые из двери повыдергали? Слабо пацанам такое сотворить. Второй раз предупреждать не буду. Теперь про Наташу...

– Поучаствовать хочешь? – вперёд выдвинулись двое полуголых невысоких мужчин. Один весь покрыт наколками, у второго тоже их хватает. Таким и представляться не надо. У них на теле нарисовано, что бывшие сидельцы. Один прятал правую руку за спиной, на неё я и переключил своё внимание.

– Не участвовать, а её от участия избавить.

– Ишь-ты, избавитель нашёлся. Думаешь, если пукалка есть на плече, так ты и крутяк? – и вытащил правую руку из-за спины. В кулаке был зажат «Макаров».

Блатной взялся левой рукой за затвор, чтобы передёрнуть его.

Идиот! У него даже патрон не в стволе! И движения пла-а-авненькие такие. Ну, понятно, блатные любят покрасоваться. А ещё поугагать. Сейчас я от его «Макарки» задам стрекача. Крича: «Милиция, меня убивают!». Книжки читать надо умные, придурок. А в них чётко пропечатано, что на Диком Западе действовал закон: «Кто стреляет первым, тот и прав».

Он успел дотянуть затвор до середины. Я поднял правой рукой карабин вверх, ремень легко скользнул по плечу. Поймав левой рукой цевьё, нажал на спуск. Промахнуться с такого расстояния невозможно. Никакой картинности. Его отбросило ударом пули назад, пистолет выпал из руки. Дырка была точнёхонько рядышком с левым соском.

Второй, забыв про финку, зажатую в руке, потянулся за пистолетом. Но «Сайга» перезаряжается автоматически. И приклад я успел прижать к плечу. Этому пуля прилетела в башку. Для верности, выстрелил в дёргающееся тело ещё раз. И, держа карабин наизготовку, пошёл на мужиков, медленно так, давая им время попятиться. Что они и не замедлили сделать. Подобрал «Макаров», заткнул его себе за пояс, а финку бросил в кусты, в сторону джунглей. Мужикам отдал приказание:

– Оттащите этих урок к морю, раскачайте за руки, за ноги, да в море и бросьте. Их живо утилизируют. А то они тут начнут разлагаться на жаре, потом заразы не оберётесь.

Жмуриков взяли за ноги и поволокли в сторону моря.

Вернулся к Наталье. Глаза у неё были сухие. И круглые от испуга.

– Ты их убил? – произнесла она дрожащими губами.

– Нет, по головам погладил, ручки пожал и сказал, чтобы и дальше продолжали беспредельничать, девушек насиловать и свои блатные законы для всего дома устанавливать. Ключи от квартиры есть у тебя?

Она кивнула.

– Пойдём, вещи свои заберёшь.

Мы поднялись на второй этаж. Наташа открыла замок, вошли в квартиру.

– Возьми сумку большую и сложи туда свою летнюю одежду. Шубы нам ни к чему. На случай дождя возьми какую-нибудь куртку с капюшоном, тоже летнюю. Платья, юбки-блузки и всякое такое. Если есть плед, возьми и его. Из посуды прихвати пару кружек, ложки, столовую и чайную, можно даже по две. Вилку, ножик. И всё, что осталось из съестного.

Наталья вихрем пронеслась по квартире, и большая чёрная сумка наполнилась минут за пятнадцать. Молнию застегнули с трудом. В одной руке я нёс сумку, из второй не выпускал рукоять «Сайги».

Возле моего подъезда я поставил сумку на лавочку. Из дверей осторожно выглянула тётя Варя:

– Ты, Володя, стрелять-то прекратил?

– Прекратил, тётя Варя. Всего-то двое уродов было, остальные – понятливые.

К нам подошёл Алексеич из второго подъезда. Молча пожал мне руку и показал большой палец. Ну, этот дед и умён, и адекватен.

– Стрелять умеешь? – спросил я Наташу.

– КМС по стрельбе. И из пистолета, и из винтовки. Правда, из мелкашки.

– Ничего, тут отдача только посильнее, – вынул из «Макарова» магазин. Шесть патронов. Вполне. Вставил магазин, передёрнул затвор, снял с предохранителя. Протянул Наташе, она взяла осторожно, но держала пистолет вполне грамотно.

– А лучше всего, если Алексеич и тётя Варя с тобой постоит. Я быстренько обернусь.

– Конечно-конечно, мы постоим тут с Наташенькой, – заверила меня тётя Варя. Я взлетел по лестнице на пятый этаж, отпер дверь, вытащил тележку на площадку. Чтобы не делать полупустых ходок, прихватил из квартиры четырёхместную польскую палатку. Квартиру запер

только на один замок. Вытащив груз на улицу, положил палатку и Наташину сумку в тележку, выдохнул:

– Я сейчас, – и унёсся в подъезд. В квартире достал картонную коробку, кинул в неё несколько банок рыбных консервов, пару банок тушёнки, пару пачек макарон. Так. Бутылка растительного масла, три пачки галет, две пачки печенья. Соль вчера отвёз. Чая листового большая пачка, заварочный чайник. Из секретера достал початую бутылку с коньяком, тоже сунул в коробку. Пара плиток шоколада, пакет с яблочным соком. Достал небольшую сумку, сложил туда кое-что из одежды. Покидал в сумку весь свой запас патронов и к «Сайге», и к помповому ружью. Оптический прицел к «Сайге», хоть он и в футляре, бережно завернул в футболку и уложил сверху. В коробку с провизией кинул и несколько пакетиков с семенами. Коробку замотал скотчем, а ещё несколько пакетиков семян положил в карман камуфляжки. Поменял магазины в «Сайге» и поставил её на предохранитель. Взял сумку и коробку, вынес на площадку, запер дверь. Спустившись вниз, сложил всё в тележку. Алексеич, тётя Варя и Наташа сидели на лавочке и тихонько о чём-то разговаривали.

– Мне ещё минут десять надо, – сообщил я им, и Алексеич махнул рукой, иди мол.

В квартире я залез в самый конец складской комнаты, прямо по мешкам и коробкам. Покопался в глубине одной из коробок, выживая оттуда гранату. Достал пассатижи из инструментальной тумбочки, моток проволоки. И через пять минут в соседней квартире стояла отличная растяжка в прихожей. Вся квартира была завалена хламом и мусором, так что замаскировать растяжку труда не составило. Забив дверь парой гвоздей, отнёс в квартиру инструмент. Взял помповое ружьё, повесил на другое плечо, ухватил пару блоков сигарет и три новёхоньких ведра, два оцинкованных и одно эмалированное. Тщательно запер квартиру на оба замка и ринулся вниз.

Выйдя на улицу, положил помповик и ведра на тележку. Туда же бросил и сигареты. И увидел, как жадно проводил их взглядом Алексеич. Не говоря ни слова, вытащил из тележки один блок и протянул деду. Тот схватил блок обеими руками и нарушил молчание:

– Вот спасибо, так спасибо! Уважил старика! Знаю, что бросать придётся, но пока никак. Буду хоть по одной сигаретке в день выкуривать.

Я полез в карман камуфляжки и протянул тёте Варе пакетики с семенами.

– Тут пара моркови, пара свёклы, кабачки, лук, чеснок. Вскопайте грядки и посадите. Лопаты найдутся? Ну, и отлично. В здешнем климате всё моментом прорастёт. Если поливать водой из речки.

Потом протянул два пакетика Алексеичу:

– Вскопай отдельную грядку и посади. Когда вырастет – высушишь, нарежешь. А уж газеты найдутся.

– Семена табака, – прочёл Алексеич на пакетиках, – ну, теперь не пропаду. Прямо, благодетельствовал.

– Это вам за то, что Наташу охраняли.

Тётя Варя вздохнула:

– Эти гады у нас весь урожай выкопают.

– А вы им скажите, что, если хоть одну морковку тронут, перестреляю всех, к чёртовой матери! Я тут пока каждый день буду бывать.

– А тигр?

– Займусь. Если не сегодня, то завтра точно грохну.

– Вооружился-то ты по полной, – показал на помповик Алексеич, – и чего бы мы без тебя делали? Ходили бы под этими урками. Они же на второй день с пистолетом по всем квартирам прошли и у всех весь сахар и все дрожжи конфисковали. Самогон им варить надо было. Отварились, слава Богу.

– Ладно, счастливо вам оставаться. Завтра, может, и не приду, тигра буду гонять. Но послезавтра-то точно придём. Пойдём, Наталья, – и, сняв карабин с предохранителя, взялся за ручки тележки. И тут в полуметре от меня об асфальт со звоном разлетелась пустая литровая бутылка из-под водки. Отпустив тележку, я отпрыгнул в сторону, сдёргивая карабин с плеча. Кто кинул бутылку, я увидеть не успел, а вот какое окно только что закрылось, заметил. И пустил туда пару пуль, высадив всё стекло.

Открыв сумку, вынул пачку патронов и дозарядил магазин. Заодно, достав другую пачку, зарядил картечью помповое ружьё.

– Всё, нам пора. До свидания, – и мы тронулись в путь.

– Пойдите! Погодите! – раздался сзади пронзительный девичий вопль. Я опять стащил с плеча карабин, поворачиваясь назад. К нам бежала длинноногая девчонка с сумкой в руке. Добежав до нас, она с шумом выдохнула воздух:

– Уф-ф! Успела! Возьмите меня с собой. Сейчас, когда Наташка уйдёт, я следующая на очереди. Эти сволочи меня в покое не оставят.

– Лариса, тебе же всего пятнадцать, – удивилась Наташа.

– И что? Думаешь, это их остановит? Вчера приставал один: «Титьки у тебя пока маловаты, но между ног-то уже и волосня выросла». Еле отбилась. Хорошо бабушка Тома вышла из своей квартиры и давай кричать: «Не трожь ребёнка, скотина!». А напьются все, так точно на хор поставят, как Аллу.

– А мать—то в курсе? – спросила тётя Варя.

– Ага, в курсе... Она не в курсе, а в ракурсе. Они как увидели, что урок пристрелили, сразу дверь у них взломали и принялись, не отходя от кассы, самогон глушить. Возьмите меня, я готовить хорошо умею.

Наташа вопросительно посмотрела на меня, тебе, дескать, решать.

– Ну, если хорошо умеешь, поваром возьмём. Не пропадать же человеку. Клади сумку на тележку, вот сюда, сбоку.

Счастливая Лариса положила сумку, захлопала в ладоши и в порыве радости чмокнула Наташу в щёку.

– Блин, попаду я сегодня на поляну или нет, – пробурчал я.– До свидания, мы ушли, наконец.

Когда дотолкал тележку до воды, велел Наташе и Ларисе:

– Дальше катите сами. Каждой по одной ручке. А я буду вас от тигра охранять, – и снял «Сайгу» с плеча.

Девушки безропотно покатали тележку. Вдвоём было не очень удобно, и они стали катить по очереди. Дошли до поляны, на удивление, довольно быстро, меньше, чем за три часа. Увидев изгородь, они восхитились:

– Ты сам это построил? Здорово! – сказала Наташа. Лариса была экспрессивнее:

– Фига се! Вот это защита! Сюда никакой тигр не пролезет!

– Сегодня ночью пробовал. Ничего у него не получилось, – подтвердил я, открывая ворота.

Зашли в ограду, ворота я закрыл, но запирать не стал. Разгрузил тележку, вскрыл коробку. Кастрюля с куриной стояла в большей кастрюле с холодной водой из родника. Обе кастрюли стояли под палаткой так, что солнечные лучи туда достанут только к вечеру. Я посмотрел на часы. Была только половина первого. Быстро достал плитку, открыл баллон, зажёл конфорки, поставив на самый маленький огонь. Спросил Ларису:

– Газом пользоваться умеешь (в нашем доме стояли электроплиты)?

Она кивнула:

– Мы раньше в квартире с газом жили.

– Ну, и отлично. В кастрюле – куриная грудка. Мясо можно пожарить на сковороде, вот масло. Бульон можно на суп пустить, можно так выпить. Здесь посуда, здесь соль и сахар. Мне некогда, я пойду тигра искать. Пить захотите, вода в пятилитровой бутылке и в чайнике кипячёная. Пакет сока в коробке. Там же галеты, вместо хлеба. Так, Наталья, «Макаров» вот так ставится на предохранитель, вот так снимается с него. Помпуха с предохранителя снята, там шесть картечных патронов. Цевьё вот так дёргаешь, происходит перезарядка. Учти, отдача очень сильная, приклад плотнее к плечу прижимай. С оружием не играйте, не балуйтесь. Я уйду, закроете ворота на крюк. За ограду ни ногой. Всё поняли?

– Всё, – ответили слитно.

Не тратя времени, я стал собираться. Снарядил оба магазина, двадцать первый патрон был в патроннике. Запасной магазин положил не в набедренный карман, а в боковой на куртке. Поставил на «Сайгу» оптику, в карман сунул ПБС. На поясе фляжка с водой и «Тайга». На шее висит бинокль. Всё, можно идти.

– Я пошёл, – объявил девчонкам.

– Ага, – ответила Лариса, колдуя у плитки. Наталья встала, порывисто шагнула ко мне, положила обе руки мне на плечи, и ткнулась в мои губы полными свежими губами.

– Удачи тебе, – и покраснела. Да, голубушка, целуешься-то ты, как пятиклассница.

– Запри ворота за мной.

Вытащил столб из ямы, вышел за ограду, поставил столб на место. Наташа воткнула крюк в кольцо и помахала рукой.

Я взобрался на скалу и пошёл по гребню хребта. Взгляд провожал меня. Обернулся, и Наташа опять помахала мне. Всё, вперёд! Не до сантиментов. На охоту на страшного хищника вышел, не на прогулку.

По моим прикидкам, тигр не мог находиться очень уж далеко. Хуже всего, если логово спрятано в зарослях джунглей, там его не увидишь. Пройдя по гребню хребта метров триста, я останавливался, и внимательнейшим образом разглядывал окрестности в бинокль. И слева, на всякий случай, и справа от хребта. До рези в глазах вглядывался в зелёную стену джунглей, вдруг что-то да промелькнёт. Порхали с ветки на ветку птицы, прошёл выводок поросят с мамашей во главе. Отлично, свининка будет. Но сейчас не до неё.

Прошёл примерно два километра, когда увидел в бинокль обширную проплешину среди джунглей, примыкавшую к горам. И через полкилометра узрел. Вот, вот оно! Маленькое, полосатенькое лежало в тени деревьев. Это мне в награду за бурно проведённое утро.

Дальше двигался осторожно. Не дай Бог, поскользнусь, и из-под ног посыплется вниз камни. Спугнуть нельзя. Ветер благоприятствует – дует в мою сторону. Теперь видел тигра и без бинокля. По мере моего приближения к проплешине, зверь вырастал в размерах. Сначала я передвигался пригнувшись. Затем лёг и пополз по-пластунски. Чёрт! Вниз тянулась каменная осыпь, и была она почти напротив тигра. Он по ней и до гребня хребта доскакать может. Я полз по осыпи совсем медленно, молясь про себя, чтобы тигр не вскочил и не убежал куда-нибудь. Но, у зверюги, похоже, была сиеста.

Наконец-то я на огневой позиции. «Сайгу» я снял с предохранителя ещё тогда, когда только увидел тигра вдалеке. И тут к тигру подошла тигрица. У неё было, по-видимому, игривое настроение. Она прыгала возле тигра, ластилась к нему. Его же, одолевала лень. Тигрица обиделась и отошла от него прочь. Вам это ничего не напоминает?

Тигрица подошла к окровавленным останкам несчастной Наташиной матери и нехотя принялась насыщаться. Я достал из кармана ПБС и одел на дуло карабина. Хотя из-за глушителя убойная сила пули слабеет, но я не успею быстро перевести прицел с одного зверя на другого. Подвёл перекрестье нитей прицела чуть правее и чуть выше глаза. Примерно на височную область. Задержав дыхание, как учили, плавно потянул на себя спуск. Раздался щелчок, приклад толкнул в плечо. Времени на тщательное прицеливание в тигрицу не было. (После

выстрела она застыла, подняв голову). Просто навёл прицел в область головы и два раза подряд нажал на спуск. Потом ещё пару пуль выпустил в тело. Тигрица упала и не шевелилась. Тигр тоже был неподвижен. А со стороны хребта выкатились два полосатых комочка.

Только тигрят мне и не хватало. Они подбежали к тигрице и принялись её тормозить. Старательно прицеливаясь через оптику, я застрелил обоих. Для верности выпустил ещё пулю в живот тигра. В магазине оставалось четыре патрона, и я сменил его на полный. Спустился, точнее, съехал по осыпи на поляну, на ходу снимая с «Сайги» глушитель. Загнал патрон в ствол. Подошёл к тигру. Метил я ему в висок, а попал прямо в глаз. Но контрольный выстрел никогда не помешает. Вставил ствол в ухо, выстрелил. Затем ту же операцию проделал и с тигрицей, и с тигрятами. Теперь все четверо были мертвее мёртвого.

От Люды Петренко остались две ноги, чуть выше колена и обглоданный до половины череп. И тут меня вывернуло наизнанку. Хорошо, хоть не обедал. Чашка кофе и кусок холодной курятины утром. Желудок был пустой, так что рвотный позыв быстро прошёл.

У подножия хребта была пещера. В ней тигры и обитали. На всякий случай, выпустил в тёмный зев пещеры пару пуль. Но оттуда никто не появился.

В каждом из магазинов оставалось по четыре патрона, и я снарядил один из них восемью патронами. Пустой магазин сунул в набедренный карман. Движением, ставшим уже привычным, загнал патрон в патронник и поставил карабин на предохранитель. Теперь предстояла нелёгкая обязанность. И берцами, и руками я вырыл в осыпи яму. Сложил туда человеческие останки, засыпал мелкими камнями и сверху нагрёб небольшой холмик из камней. Воткнул в щель между камнями толстую засохшую ветку, бормотнул: «Покойся с миром», – и полез по осыпи наверх, на хребет.

Отойдя с километр, уселся на большой гладкий камень, нагретый солнцем. Глотнул воды из фляжки и жадно выкурил две сигареты подряд. Внутри меня царил пустота. Сегодня я впервые в жизни убил человека, даже двоих. Меня качественно учили убивать. И в психологическом плане тоже. Да и не люди это были. Но, всё же...

И зверей было жалко. Не повезло им, оказались на этом чёртовом острове. Тут уж вступило в силу правило: «Или ты, или тебя». Я вынужден был их убить. Тигрят тоже. Они ведь выросли бы. Закурил третью сигарету и медленно побрёл к моей поляне. Теперь, уже к нашей. Докурив сигарету, перешёл на быстрый шаг. Мельком глянул на часы. Половина пятого. Всего-то три с половиной часа прошло. А, как будто, целую жизнь прожил.

Глава IV. Если пахнет дымом...

Увидев, как я спускаюсь с хребта, девчонки завизжали и запрыгали от радости. Приятно, что меня ждали, меня встречают. Наталья откинула крюк на воротах и открыла их. Я вошёл в ограду, и она заперла ворота за мной опять на крюк. Не говоря ни слова, я снял с шеи бинокль, с плеча карабин и бережно положил их на траву. ПБС и пустой магазин кинул рядом. Подошёл к коробке, которую мы сегодня привезли из дома, достал оттуда плитку шоколада и бутылку с коньяком. Не дагестанская «палёнка», а настоящий мартель.

Вынув пробку, хлебнул прямо из горлышка. Сел на траву по-турецки. Открыл шоколад и отломил одну полоску. Сунув в рот сладкий квадратик, разжевал его и сделал ещё солидный глоток «конины». Протянул всю оставшуюся плитку Ларисе:

– Подсластитесь, девочки, – приложился к бутылке третий раз и закурил сигарету. Пожалуй, пока хватит. Дела на сегодня ещё были.

Девчонки, разломив шоколадку напополам, жевали, жмурясь от удовольствия.

– Есть будешь? – тихим, ласковым голосом спросила Лариса и, не дожидаясь ответа, пошла к плитке. Нет, всё-таки молодцы девушки. С дурацкими вопросами не лезут, не беспокоят понапрасну. Видят, что пришёл я малость не в себе. Отойду, всё сам расскажу. Чуткие, одним словом.

Передо мной, по-прежнему сидящим на траве, как по мановению волшебной палочки возник натюрморт. В глубокой тарелке, стоящей на некоем подобии скатерти, дымился куриный суп. Как полагается, с картошечкой, морковкой, луком и кусочками куриной грудки. Горкой лежали галеты. Стояла кружка с яблочным соком. Только я дохлебал вкусный супчик, Наташа забрала пустую тарелку, а Лариса поставила следующую. На ней лежал кусок обжаренного куриного мяса в окружении макарон. Всё было сверху полито подливкой.

Доев подчистую всю вкуснятину, выпил яблочный сок, и скатёрка исчезла. Вместо неё подставили импровизированную пепельницу из консервной банки. Сервис был на высоте и, закулив, я смог, наконец, улыбнуться.

– Спасибо огромное. Обед был замечательный.

Девчонки просияли, особенно, Лариса.

– Я старалась. Убил тигра?

– Убил. И тигра, и тигрицу, и тигрят.

Лариса ахнула:

– А тигрят-то за что?

– За то, что вырастут и начнут на людей охотиться.

– А с мамой моей, что? – осторожно спросила Наташа.

– Съели. Что осталось, я похоронил.

Она закрыла лицо ладонями и отошла в сторону. Лариса, выждав некоторое время (действительно, в чуткости не откажешь), подошла к ней сзади и принялась гладить по голове. Я встал, взял оба оцинкованных ведра и пошёл к роднику за водой. В квартире у меня лежат полипропиленовые трубы, надо будет провести воду за ограду, чтобы не выходить.

Принеся ведра с водой в ограду, взял эмалированное ведро и пустой рюкзак.

Ведро поставил под струю воды, а в рюкзак напихал камней. Еле доволоч.

Камни выложил кругом, обозначив место для костра. Ведра поставил на самый солнцепёк, чтобы вода в них хоть немного нагрелась. Взял «Гускварну», заглянул в бачок. Полбачка есть, должно хватить. Вышел с пилой за изгородь, закрыл за собой ворота. У самых скал стояло старое, засохшее дерево. Я его спилил. Внутри оказалось не трухлявым, что и требовалось. Спилит второе дерево, самое близкое к изгороди. Деревья подтащил к воротам, отпилил сучья. На засохшем дереве отпиливал, как попало. На свежем, тщательно, но так, чтобы

выступали на несколько сантиметров. Старое дерево распилил на чурбачки. Открыл ворота, перекидал в ограду чурки, сучья, верхушки деревьев. Распилил свежее дерево напополам. Чурбачки и сухие ветки отнёс к будущему кострищу и взялся за топор. Затесал оба, получившихся у меня, столба и вкопал их в землю. Там где сучьев было мало, вбил в столбы гвозди. И стал развешивать на обоих столбах кухонную утварь: кастрюли, сковородки. На гвозди даже кружки одевались за ручки.

– Здорово придумал! – Лариска подскочила помогать. Вскоре вся посуда цивилично была повешена на столбы.

Вбил у кострища рогатки, положил поперёк палку, проверил на прочность. Пожалуй, даже пару вёдер выдержит. На кучу хвороста уложил пару чурбачков и разжёл костёр. Над поляной поплыл дымок, запахло горящим деревом. Повесил над костром одно оцинкованное ведро с водой. Пожалел, что не все вёдра сразу забрал. Ладно, завтра исправим ошибку.

Девчонки уже уселись у костра.

– Если пахнет дымом, значит, пахнет домом, – провозгласила Наталья.

– И дом вам сейчас поставлю, – сказал я, берясь за польскую палатку. Девушки хотели помочь, но я их отогнал – только мешать будем друг другу, один управлюсь. Через полчаса польская двухслойная четырёхместка с навесом и тамбуром была установлена входом к костру. Но на положенном удалении от огня. В палатку закинул два туристических пенополивиниловых коврика и Наташин плед, на всякий случай. Это я ночью не мёрзну, вдруг девчонкам холодно будет.

Налил воды в чайник, тоже повесил на огонь. Чайку хлебнуть на ночь не помешает, почти восемь часов. Часа через полтора стемнеет. Потихоньку подбрасывал хворост в костёр. Сучья, оставшиеся после строительства ограды, уже подсохли, и хвороста была огромная куча. Впрочем, и сухие чурки горели неплохо. Когда вода в ведре начала закипать, я одел на руку сварщицкую перчатку и безболезненно снял ведро с костра. Поставил все три ведра рядом, положил в ведро два ковшика. Скомандовал:

– Девчонки, раздевайтесь донага и мойтесь. Подглядывать не буду. Только волосы не надо мочить. И воды мало, и стемнеет скоро. Полотенца есть?

– Я два взяла с собой. Одно – мне, второе – Лариске. А тебе воду оставлять?

– Вам двоим-то еле хватит. Завтра ещё вёдер принесём, тогда всю грязь с себя и смою. А до завтра похожу зачуханный, – только сейчас я подумал, что хожу уже пять дней немывтый. При этом потел ведь, как чёрт. Но только утром у родника умывался. За всеми хлопотами не до гигиены было. Ничего, ещё пара-тройка дней и жизнь войдёт в спокойное русло. Обживёмся, вещи перенесём.

За моей спиной, метрах в двадцати от палаток, повизгивали девчонки, поливая себя тёплой водой. Наташа даже мыло и губку из дома прихватила. Так что вымылись они на славу. Я успел заварить чай, почистить и смазать «Сайгу», набить патронами магазин и выкурить сигарету, когда они подсели к костру с розовыми после мытья лицами, с чуть мокрыми волосами.

– Как заново на свет родилась, – изрекла Наталья.

– Замечательно, – подхватила Лариса, – какой всё-таки Вова у нас заботливый.

– Чего уж там, – слегка смутился я.

– Вы не представляете себе, как я рада, что вы меня взяли с собой. Сидела бы сейчас, пьяные стенания мамы слушала: «Ой, Ларисёночек, чем же я завтра тебя кормить буду? Ой, и когда же всё это прекратится?». А у самой полхолодильника водкой забито. «Это наша жидкая валюта. С ней-то мы не пропадём.» Ага, ты, может и не пропадёшь, выпьешь пару стопок, тебе и весело. А из еды осталось четыре картофелины и одна морковка. Да пригоршня пшена. Через пару дней – зубы на полку. Если бы вы от меня отказались, дня через три в море бы утопилась.

– Прекрати, все твои беды позади. С нами не пропадёшь. Кстати, в море не вздумайте соваться, даже по колено. Чёрт его знает, кто там в воде.

Это я неудачно сказал. Наталья сразу вспомнила утонувшего отца и погибшую мать. Слезы побежали по щекам. Да оно и понятно, за пять дней потерять обоих родителей. Торопливо стал разливать чай по кружкам, достал печенье. Лариса утешала Наташу, как могла.

Солнце ушло за деревья. Длинные тени легли от джунглей на поляну. Наступили вечерние сумерки. Ни малейшего дуновения ветерка. Никаких гадов летучих. Полная тишина. Только в траве тихо стрекочут какие-то насекомые.

Девчонки грызли печенье, запивая горячим сладким чаем. Наталья перестала плакать, и на лицах у обоих было написано умиротворение.

– Благодать-то какая, – вздохнула Наташа, – в доме вечером темно, страшно. А здесь... Прямо, душа отдыхает.

– На сто процентов согласна, – поддержала её Лариса, – так бы и сидела всю ночь у костра, балдела.

– Не балдела, а наслаждалась, – строго поправила её Наташа, – мы с Володей матом не ругаемся, бомжовский сленг не употребляем.

– Бомжовский, чего?

– Сленг, ну, словечки всякие жаргонные: прибалдеть, тащиться, торчать, отпадно, клёво, по кайфу и так далее.

– Воспитывать будете?

– Нет, назад к маме отправим, – решил я быть в этом вопросе солидарным с Натальей.

– Только не к маме! – ахнула Лариса, – постараюсь говорить, как надо, но вы меня поправляйте, если что. Что делать, жизнь у меня раньше не очень-то клё... ой, не очень-то хорошей была.

Посмеялись над поправкой. Пора, наверное, и укладываться, вот-вот совсем стемнеет.

– Так, как водится, писать перед сном девочкам налево, мальчикам направо. Потом отбой. Вам ещё обустроиться надо в палатке. Скоро темень наступит, а аккумуляторы в фонарях я берегу. Ни комаров, ни москитов здесь нет, даже мух нет. В этом плане – рай. Костер заливать не буду, пускай прогорает. Ветра нет, искры не летят, пожара не будет. Я тоже, выкурю сигарету, и спать лягу.

Проснулся, как только рассвело. Вчера, когда девчонки ушли в палатку, я перед сном принял ещё коньячку граммов несколько. Чтобы совесть не мучала, когда засыпать буду. Но от хорошего коньяка, в количествах разумных, наутро никакой абстиненции нет. Бодро подскочил, принялся разжигать костёр. Пока он разгорался, сходил на родник за водой. Заодно и умылся. Налил в чайник воды, поставил кипятиться. Чем завтракать будем? Хорошо было в той, «докатастрофной» жизни: залез поутру в холодильник, достал масло, сыр, колбасу, состряпал пару бутербродов и нет проблем. А ещё можно было их в микроволновку засунуть. Вообще, чудесно!

Ну, на безрыбье, и консервы —рыба. И я выудил из коробки три банки сайры бланшированной, пачку галет. Ещё оставалась пачка печенья к кофе. В польской палатке открыли тамбур. Из палатки вылезла Лариса и сладко потянулась. Была она в длинной футболке, очевидно, заменявшей ей ночнушку. Подойдя ко мне со спины, она обвила горячими, нежными руками мою шею и прошептала на ухо, щекоча скулу волосами:

– Повариха должна вставать самой первой и готовить всем завтрак. Куда в такую рань поднялся?

Я показал ей на банки с консервами, и ответил, тоже шёпотом:

– Полминуты работы консервным ножом и завтрак готов. Сегодня привезём продукты, и завтра утром буду спать, пока на завтрак не позовёшь.

Чайник закипел. Я сделал себе кофе и вопросительно посмотрел на Ларису.

– Я чаю поплюю, заварка вчерашняя ещё ничего. Не привыкла я к кофе. А маман моя напитки признаёт только горячительные.

Говорила Лариса совсем тихонько. Но из палатки на четвереньках стала выползать Наталья. Вырез у неё на ночной рубашке был большим, а ткань, повинувшись закону земного тяготения, отвисла вниз. Я поспешно отвёл глаза от открывшегося моему взору чудесного зрелища. Взял третью банку консервов и тоже открыл.

– Умыться можете из ведра, чтобы к роднику не ползти. Тем более, на четвереньках.

Лариса засмеялась, а улыбающаяся Наташа встала на ноги и тоже потянулась, разводя руки в стороны. Тонкая ткань натянулась, обозначив крошечные соски. Я озверел. Дразнится, что ли?! А она ещё и облизнула полные губы язычком. Я же не монах-скопец!

– Марш в палатку! И оденься во что-нибудь попримочнее!

Наташа повернулась к нам спиной, опять опустила на четвереньки и поползла в палатку. Лариса уже не смеялась, а хохотала. Потому, как коротенькая Наташина рубашка совершенно не прикрывала ничего сзади. А трусиков не было. И не мог я никак взгляд оторвать от девушки.

– И к маме-то её не отправишь, потому что мамы нет, – шепнула Лариса мне и пошла к ведру с водой, умываться. Через пару минут из палатки показалась чуть смущённая Наталья в белой футболке и в шортах. Я показал ей кулак. Она, покачивая бёдрами, пошла за палатку. Шорты обтягивали круглую попку. Ох, похоже, трудновато мне придётся в плане соблюдения celibата.

Девчонки позавтракали. Я покурил, допивая кофе.

– Сегодня нам предстоит топтать ножками весь день. Надо два рейса сделать, а это – почти одиннадцать часов ходьбы. Так что, обувайте кроссовки, боевые подруги, и на крыло.

Глава V. Скучные бытовые хлопоты

Вышли мы с поляны в половине седьмого утра. И уже в десять минут девятого были возле дома. Оставив Наташу внизу с помповым ружьём и пистолетом охранять тележку, я и Лариса поднялись наверх. Дверь в соседнюю квартиру была приоткрыта и из неё торчали чьи-то ноги.

– Пьяный? – спросила Лариса. Не отвечая, я открыл дверь квартиры. На двери виднелись следы от удара ломом. Но остались только небольшие вмятины, даже сам стальной лист не повело. Хорошо, что в замочные скважины не били. Если бы смяли так, что и ключ не вставить, пришлось бы на поляну за инструментом возвращаться.

Войдя в квартиру, усадил Ларису на диван, а сам пошёл в соседнюю квартиру. Распахнул дверь в неё. Рядом с трупом валялся лом. Отставив его в сторону, взял труп за ноги и протащил из прихожей на кухню. Открыв окно, взвалил неудачливого грабителя на подоконник и сбросил вниз. Тело глухо шлёпнулось на траву позади дома. Потом заглянул в соседскую ванную комнату. Что ж, ванна довольно в приличном состоянии, эмаль не отбита. Но это на потом, скорее всего на завтра. А, может, и на послезавтра. Дверь в соседнюю квартиру забил всего одним гвоздём. После того, как сработала растяжка, желающие залезть сюда найдутся не скоро.

Хозяйственно прихватив лом, внёс его в свою ванную комнату и положил на пол. Ухватил из ванной мочалку, пару кусков туалетного мыла, бритву с помазком, зубную щётку с зубной пастой, шампунь и гель для душа. Всё это сложил в пакет и засунул в сумку. В сумку же положил три больших полотенца и пару маленьких. Скатерть, плед, пару комплектов постельного белья. Сумку застегнул. Вытащил из чулана полиэтиленовую упаковку с килограммовыми пакетами муки. Ещё одну упаковку с литровыми бутылками постного масла. Коробка со сгущёнкой. Ещё коробка – с банками концентрированного молока без сахара. Коробка с пакетами гречки. Оставил гречи только треть, остальное заполнил пакетами с рисом и пшеном. Коробка с пакетами макарон. Переложил так, чтобы были и рожки, и вермишель, и спагетти. В пустую коробку положил пачки галет, банки с кабачковой икрой, маленькие банки с томатной пастой, с консервированными салатами, с ананасами и кружочками, и ломтиками. Пару банок компота, вишнёвого и сливового. Джем абрикосовый, печенье, пару килограммов сахарного песка.

Вспомнил про вчерашний суп, прошёл на кухню, выдвинул ящик из-под электроплиты. Там у меня лежала картошка, пара морковок, с килограмм лука.

Из опустевшего холодильника вынул три головки чеснока. И ещё память озарило. Хорошо, они долго не портятся, а купил совсем недавно. Бережно вынул картонную упаковку с десятком яиц. Ведь напрочь про них забыл.

Сложил все овощи и яйца в коробку. Наверное, и хватит. Нет, возьму ещё коробку с рыбными консервами. Подумав, решил, что быстрее всё перетащу, если дверь не запирает. Оставил Ларису в квартире, сторожить наше богатство, а сам принялся с коробками скакать по лестнице вниз. Складывал всё на лавочку, возле тележки, чтобы потом уложить покомпактнее. Последними вынес шесть оцинкованных вёдер и одно эмалированное.

Ещё не было девяти, когда мы тронулись в обратный путь. С грузом шли не так быстро, но всё же в половине двенадцатого очутились на поляне. Разгрузив тележку, я пять раз сходил на родник, наполнив все вёдра водой. Все поставил на солнце, греться.

– Лара, ты останешься, обед готовить, а мы с Натальей ещё раз до дома прогуляемся. Помповик тебе оставим и на замок изгородь закроем, – утром я потратил десять минут, обучая девчонок заряжать и перезаряжать помповое ружьё.– Посмотришь по продуктам, что сварганить можно. Кроме того, что мы сегодня привезли, вон там лежат банки с тушёной.

Утрамбованный песок у моря тянулся узкой полоской. Если идти по нему рядом, даже вдвоём, то один из идущих одной ногой вязнет в рыхлом песке. Поэтому мы передвигались всегда друг за другом, в затылок. Вот и сейчас впереди меня шла Наташа, я вслед за ней катил пустую тележку. На песке никаких препятствий не попадалось, под ноги можно было не смотреть. И никак не получалось у меня отвести глаза в сторону от девичьей фигуры, двигавшейся легко и грациозно.

– Наталья, – окликнул я её.

– Аюшки, – остановилась она, поворачиваясь ко мне.

– Давай ты сзади пойдёшь. А то я боюсь тебя по ногам тележкой стукнуть. Вот и торможу.

– Ну, хорошо, – покорно согласилась она, подходя ко мне. А под футболкой-то ничего нет, и ткань приподнимают два маленьких бугорка.– Только мне кажется, что причина вовсе и не в тележке. Я же не совсем чурка бесчувственная и этот взгляд на себе ощущаю.

– Какой этот?

– И ласковый, и жаждущий. А ещё ты мною любишься.

– Наташ, иди сзади. На поляну вернёмся, поговорим.

– На поляне Лариска, там об этом не поговоришь. Володя, ты ведь меня хочешь?

– Дочка, ты ещё малолеточка...

– Мне через три месяца восемнадцать исполнится. Между прочим, ты мне нравился ещё тогда, когда мы не на острове были. Только ты меня упорно не замечал.

– Вообще-то замечал, но видел, что ты ещё с портфельчиком в школу бегаешь...

– Так я уже одиннадцатый класс заканчивала. Значит, замечал?

– Не слепой же я. Такую красоту нельзя не заметить.

Она запрыгала и захлопала в ладоши:– Володенька! – и обвила руками мою шею, прильнув ко мне. Губы потянулись к моим губам.

– Наташка, – взмолился я, но было поздно. Когда свежие пухлые губы прижались ко рту, говорить уже не получалось, можно было только мычать. Но я же не корова. Оттолкнув от себя тележку, обнял Наташу и ответил на её неумелый поцелуй. Восхитительная в своей упругой подвижности, полная высокая грудь всё крепче прижималась к моей груди. Но безумства не произошло, голова не закружилась, трезвая мысль одержала победу над вспышкой страсти. И, едва коснувшись языком нежного язычка девушки, я разжал объятия и сделал шаг назад. Немая пауза, удивление в огромных серых глазах. И задрожали губы от обиды. Шагнув к ней, погладил по голове:

– Не обижайся и не сердись, малышка моя. Ну, нет у нас сейчас времени на ласки. Столько ещё сделать предстоит, прежде чем более-менее нормальной жизнью заживём. Всё хорошее у нас с тобой ещё впереди, – и поцеловал её в шею.

На Наташином лице появилась слабая улыбка. Подхватив ручки тележки, я двинулся вперёд. Возле подъезда дома отдал Наташе карабин:

– Патрон в стволе, с предохранителя снят. Просто давишь на курок. Перезарядка автоматическая.

Взбежал на пятый этаж. Дверь соседней квартиры по-прежнему заколочена. Посягательства, похоже, прекратились. В этот раз еды почти не брал. Зато в тележку улеглась армейская десятиместная палатка, два больших десятилитровых баллона с газом для плитки, полипропиленовые трубы. Понакидал в небольшую сумку всякой мелочи, вроде отвёртки, пассатижей, разнокалиберных гвоздей.

Когда, заперев дверь квартиры, вышел на улицу, Наташа болтала с Алексеичем. Поздоровавшись со мной, Алексеич поблагодарил меня от имени всего дома за избавление от тигриного семейства.

– Огород вчера вскопали и засадили. И табак посадил. Полили качественно. У нас дедов-то крепких всего двое, я да Петрович. Эдуард Михалыч – тот интеллигент, лопатой сразу

мозоли натёр, Василич – хворый совсем, вечно неможется ему. Но старушки-то крепкие, копали, будь здоров! А сегодня пошёл на грядки взглянуть, а там уже ростки пробиваются. Мать честная!

– Климат тут благодатный, – согласился я с ним, – быстро всё вырастет. Вы, только всё подчистую не съедайте, на следующую посадку оставьте. С семенами у меня не густо. И ещё, поставьте колья вокруг грядок и проволоку протяните. Я тут в лесу диких свиней видел. Они ваш урожай ночью весь схрупают.

– Проволоку найдём. А как всё подрастёт, так и дежурить будем. Тигра теперь нет, не страшно.

– А вы ещё ямы-ловушки возле огорода выкопайте, – посоветовал я ему, – сами только в них не свалитесь, травматолога тут нет. Повезёт, так и свининкой разживётесь.

– Спасибо за мысль дельную. Сегодня же и выкопаю, да ветками прикрою. И наших всех предупрежу. Что-то вроде артели пенсионеров у нас организовалось. Вместе легче продержаться.

– Это, безусловно. А ты, Алексеич, председатель этой артели. Пистолет в руках держать доводилось?

– Так срочную в разведроту отслужил. Из всего пуляли, что стреляет.

– Тогда вот тебе «Макаров». Всего шесть патронов, правда. Чисти, смазывай, в руки никому не давай. Патрон в ствол загнал, на предохранитель поставил и спрятал куда-нибудь под рубашку. Какая-никакая, а оборона.

– Уж и не знаю, как благодарить. Крепко ты нас выручаешь. Повезло нам, что человек ты хороший.

– Не перехвали. Обычный я человек. Но человек, а не скотина. Пора нам идти. Ещё десять километров по жаре топтать.

Наташа, отдав мне карабин, вынула из кармана шортов ключ:

– Мне в мою квартиру заглянуть надо.

– Ну, пойдём, – снял «Сайгу» с плеча, – Алексеич посторожит пока наше барахло.

– Идите, я тут пока покурю на лавочке. Теперь с пистолетом-то любого пакостника шугану.

– Кстати, Алексеич, насчёт пакостников: за домом труп валяется, надо бы его в море закинуть. Ты попроси мужиков. А то завоняет на жаре. Хотел тут один в мою квартиру, через соседнюю, забраться. А у меня там растяжка стояла.

– Слышали мы ночью взрыв. Но со сна ничего не разберёшь, где грохнуло, что грохнуло. Мало ли, самогонный аппарат рванул. Ясно, довыдывался кто-то.

Дверь Наталье открывать не пришлось, она была выломана. В квартире пошуровали, раскидав вещи.

– Вот, гады, – ругнулась Наташа, без особой злобы. То, что ей надо было, не унесли, она быстро побросала всё в маленькую сумочку и повесила её на плечо.

– Всё, можем идти.

Попрощавшись с Алексеичем, пошли обратной дорогой. Пройдя примерно половину дороги, я оглянулся на Наталью. Она шла мрачная, опустив голову. Отпустив ручки тележки, шагнул к ней. Отодвинув в стороны пряди волос, взял её лицо в ладони и пропел, фальшивя (увы, нет у меня вокальных талантов):

– Рыбка, рыбка, где твоя улыбка,

Полная задора и огня?

Самая жестокая ошибка, рыбка,

То, что ты не смотришь на меня.

Потянулся к девичьим губам. При этом стоял я спиной к морю, а Наташа – лицом. В глазах её вдруг появился неподдельный ужас. Она отшатнулась от меня, попятилась, споткнулась. Усевшись на песок со всего маху, принялась отползать назад, в сторону леса. Я не задавал ей глупых вопросов, а, срывая с плеча карабин, обернулся к морю.

Метрах в двадцати от берега из воды торчала огромная пасть, усеянная зубами. Такая и слона перекусит играючи. В маленьких глазках светилась злоба. Но мелководье не позволяло твари подобраться вплотную к берегу. Поэтому она повернулась к нам спиной и ушла в море, хлопнув по воде чем-то вроде хвоста.

– Э-э-это ч-ч-что было?

– Не что, а кто. Какая-то акула местная.

– Это она моего папу слопала?

– Вполне возможно. Вставай. На берегу она нас не достанет.

– А не может она на берег выбраться? – отряхивала с себя песок Наталья.

– Если бы могла, полезла бы. Я ведь, сколько ни хожу по берегу, никаких следов на песке со стороны моря не видел. А вот в воду категорически нельзя.

– Понятно.

Глава VI. Соперницы

Ещё на подходе к поляне, плыли в воздухе аппетитные запахи и в желудке сразу заурчало. Суп из тушёнки и макароны по-флотски были выше всяких похвал. Лариса сияла, глядя, как мы уминаем её стряпню. Попив чаю и перекулив, взялся за лопату.

Когда вкапывал столбы для ограды, тогда понял, что огородничество будет делом нелёгким. Да и Алексеич жаловался: «Почва-то благодатная, но пока дёрн снимешь – семь потов сойдёт». Вот и моя спина вскоре заблестела от пота. Лопатой я нарезал дёрн на квадраты, поднимал их, обнажая землю. Брал дёрн руками и складывал в штабель, далеко в стороне.

Девчонки сначала порывались мне помочь, но я им объяснил, что лопата всего одна, да и не женское это дело, только мозолей им на руках не хватало.

Всё же, без дела они сидеть не хотели. Наталья затеяла постирушку. В полевых условиях это несколько отличалось от забрасывания белья в стиральную машину. Однако, Наташа справилась. Теперь на шпагате, натянутом между палатками сохли девичьи футболки, трусики, всё моё бельё, просолившееся за истекшую неделю.

Лариса занялась картофельными очистками, готовя их к посадке. И даже не побрезговала покопаться в помойке, куда я, по недомыслию, выкинул партию картофельной шелухи.

До заката успел перекопать землю. Заканчивал уже в полутьме, при отблесках пламени костра, разожженного Ларисой. Один-единственный перекур пришлось устроить, когда девушки мылись, поливая друг друга ковшиками из вёдер, нагревшихся на солнце. Они ничего мне не объявляли. Переворачивая лопатой очередной пласт земли, я увидел два обнажённых тела, пританцовывающих среди блестящих оцинкованных ёмкостей. Так и застыл, не разогнув до конца натруженную спину.

Повизгивающие под струями воды, Наташа и Лариса взгляд мой не могли не заметить. Но не присели стыдливо и даже прикрываться никак не стали.

– Нравимся?! – крикнула мне Лариса. А Наташа захохотала: – Ты копай, Володенька, копай.

Воткнув лопату, повернулся к ним спиной и достал из кармана джинсов сигареты и спички. До мытья долгое время девчонок не видел, слышал только голоса. Они вдвоём ушли за большую армейскую палатку и чем-то там занимались. Когда увидел их моющимися, нагота меня ослепила. Истинный смысл выкрика Ларисы понял, только подойдя к костру, где они сидели на чурбачках. У обеих были очень короткие причёски. Наташины волосы подстрижены аккуратно и красиво, Ларисины – неумело, но старательно.

Я машинально сглотнул слюну. Девушки и так были внешне довольно привлекательными, а теперь... Наташа поднялась с чурбачка:

– Пойдём, полью. Мы тебе два ведра оставили. Ты же весь потный. Вёдра поближе к костру перенесли. Тут хоть кое-что видно. Нет, джинсы тоже снимай. Хочешь сказать, что ноги у тебя не потели? А между ног, ниже пояса?

– Развратница, – вздохнул я, но трусы снял, повернувшись к костру спиной.

– Какая попка белая, – восхитилась Наталья.

– А можно и я полью? В два ковшика лучше, – подскочила Лариса.

– Сиди, малолетка, грей ужин, – тоном собственницы осадил её старшая.

На ужин повариха, не мудрствуя, разогрела макароны по-флотски, оставшиеся от обеда. Мы подчистили всё, без остатка. А чаёк с дымком от костра, как всегда, бесподобен. В приложении к дымящейся в кружке янтарной жидкости, сигарета, заслуженная непосильными трудами. Девчонкам достанется пачка печенья и плитка шоколада на двоих.

– Ларисёночек, давай ты на ночь переберёшься в Володину палатку, а он будет спать со мной, – изрекает в полной тишине Наталья, разрушая молчаливое очарование вечерних

посиделок у костра. И снова воцаряется тишина. Сделав глоток ещё не остывшего чая, затягиваюсь сигаретным дымом. Слышу, как хрустит печеньем Лариса. Наташа – не Вера Холодная и не Грета Гарбо. Паузу она держать не умеет.

– Вы, что, воды в рот набрали?

– Наташенька, я же утром объяснял тебе...

Так как в голосе моём звучала смесь растерянности и неуверенности, Лариса вмешалась:

– Наташ, ты же видишь, что мы ещё и не обустроились толком, Вова пашет, как вол.

А тебе срочно медовый месяц потребовался. Раньше свадьбы играли только после уборки урожая.

– Я люблю его! – голос дрожит.

– Если любишь, потерпишь. Я ведь терплю... – голос тоже дрожащий. И не поймёшь, кто из них старшая, а кто – младшая.

– А ты-то тут причём?

– А при том... – истерики и всхлипываний не было, но слёзы по щекам покатались. Тихо, молча плакала.

Наташа подскочила к ней сзади, встала на колени у Ларисы за спиной и обняла её. Потом стала ладошкой вытирать ей слёзы. Я выбросил окурок в костёр и полез в пачку за следующей сигаретой. Ну, что тут скажешь? Через пару минут, когда Наташа вернулась на свой чурбачок, промолвил тихо, поднимаясь на ноги:

– Костёр пусть прогорит до конца. Зола я утром на удобрение пушу. Так что ты, Лариса, завтрак на газовой плитке готовь.

Она покивала головой и шмыгнула носом.

– Устал я. Спать пойду. Спокойной ночи, девочки.

Наклонился к Наташе, поцеловал её в губы, и она ответила на мой поцелуй. Повернулся к Ларисе и, нагнувшись, увидел горестный взгляд. Коснулся губами пухлых горячих губ. Горе в глазах сменилось радостным сиянием.

Мышцы ноют. Когда же я втянусь в этот нелёгкий ежедневный физический труд?! Спать, спать, спать...

Утром сладко потягиваюсь, до хруста в костях. На четвереньках, нехотя, ползу к свету. Палатка не застёгнута, ввиду отсутствия летающей нечисти. В щель выхода из палатки вижу Ларису. Она сидит на чурбачке возле газовой плиты. И мнёт свои груди прямо через футболку. Слышу её гневный шёпот:

– Давайте, растите! Ну, растите же!

Смеяться или плакать? С шумом вылезая из палатки, делаю вид, что ничего не видел. Иду умываться. Со вчерашнего дня осталась вода в ведре. Лариса поливает мне из ковшика, терпеливо ждёт, пока почищу зубы. Протягивает чистое полотенце. Вытерев лицо, целую девушку в тугую щёчку. Лариса отрицательно мотает головой и показывает пальцем на свои губы. Погрозив ей кулаком, выполняю немую просьбу. В глазах девчонки лукавство:

– Пока Наташка спит, – шепчет она и тоже чмокает меня в губы. И вприпрыжку бежит к плите, где на сковороде что-то шкворчит.

Получаю кружку с чёрным кофе и тарелку с омлетом из яичного порошка. На второй тарелке лежат оладьи, политые сгущёнкой. Вкусно и сытно.

– Добавки хочешь? – шепчет Лариса.

– Нет, наелся, спасибо.

– Спасибо к губам не приложишь.

– Ты – маленькая нахалка.

– Хорошо, завтра утром будут галеты с макаронами.

– Ещё и маленькая шантажистка.

– Не такая уж и маленькая, – шепчет она, – ну-ка, встань-ка.

Выпрямляюсь в полный рост. Лариса подходит вплотную и сомкнув руки у меня на поясе, прижимается ко мне всем телом. Явственно ощущаю тугие бугорки её груди, которые не такие уж и крошечные. Макушка её достаёт мне до носа. Она поднимает лицо кверху:

– Ну, и где твоё спасибо? – губы чуть приоткрываются в ожидании. Это уже не просто касание губами, а настоящий полноценный поцелуй. Лариса делает шаг назад.

– Маленькая, говоришь? – пальчик чуть касается моих джинсов ниже пояса. Я же не железобетонный. Живой мужик. Естественно, прореагировал.

– Оладьи сгорят, – шепчу Ларисе, и она бросается к плите. Пара оладий чуть пригорела.

– Все горелки – повару, – вздыхает Лариса, – но оно того стоило, – и показывает мне язык.

Допив кофе и выкурив первую утреннюю сигарету, начинаю таскать золу в огород. Затем разжигаю новый костёр. Привыкли мы уже как-то к пламени костра и к дымку. Приношу воды из родника, все двенадцать вёдер полнёхоньки. Парочку вёдер вешаю над костром, чтобы была горячая вода. В это время из палатки вылезает Наталья.

– А вот и наша принцесса изволила проснуться, – в голосе Ларисы ни злобы, ни осуждения. Она уже закончила готовку и сидит у костра. С лица её не сходит радостная улыбка. Снимаю с костра одно ведро с водой, вешаю другое. Беру грабли и направляюсь в огород. Лариса Наталье умыться поможет и завтраком накормит.

До обеда я успеваю подготовить землю к посадке, разбить грядки и посадить картошку. Лук, редиску, чеснок, морковь и свёклу будут сажать девчонки. Все мы истинные горожане, тяги к земле ни у кого из троих нет. Делаем всё исходя из теории. Посмотрим, что вырастет.

Пообедав гороховым супом и гречневой кашей с тушёнкой, начинаю мастерить из пропиленовых труб разного диаметра водопровод и водосток. Сто миллиметровые толстые трубы пилю ножовкой вдоль, чтобы получились желоба. Очень неудобно пилить, но терпение и труд всё перетирают. Из деревянных рогаток делаю подставки для труб. Заодно, заготавливая рогатки, пилю дрова для костра. Ещё с полканистры бензина есть. Потом придётся бензопилу оставить и пилить дрова вручную.

Девчонки, закончив посадку овощей, принимаются потихоньку таскать от скал камни. Выбирая из них плоские, выкладываю площадку, чтобы ставить вёдра, набирая воду. Теперь не надо выходить за водой за ограду.

Вечером, усталые, но довольные своими трудами, сидим у костра. Едим кашу с тушёнкой, на этот раз рисовую. Когда перед сном целую Ларису, Наташа грозит мне пальцем, но ничего не говорит. Только при поцелуе тихо шепчет:

– Полигамный ты наш, – и улыбается. Значит, одобрение на отношения с Ларисой получено.

Следующие два дня проходят под девизом: «Ванны». С утра, позавтракав, отправляюсь к дому. Ломом выковыриваю свою ванну и хорошо сохранившуюся ванну из соседней квартиры. С грохотом стаскиваю ванну по ступенькам подъезда. Привязав её кверху дном на тележку, волоку до нашей поляны. После обеда, заготавливая дрова, выкорчёвываю три огромных пня, подтаскиваю и устанавливаю их у костра. Теперь можно сидеть с удобствами, это не чурбачки, а полноценные сиденья. Кострище хорошо обложил камнями, которых девчонки натаскали огромную кучу.

На второй день устанавливаю обе ванны, вкопав их ножки в землю и сделав ямки для слива воды. Нагреваю воды на костре. Наполняю ванны горячей водой.

– Дамы, пожалуйста принимать ванну, – обращаюсь к девушкам. С радостными воплями они бегут за чистым бельём и полотенцами. Я продолжаю греть воду. Наташа с Ларисой вдвоём

залезают в одну ванну, моются и переходят во вторую, ополоснуться чистой водой. Подтаскиваю к ванне вёдра, чтобы девчонки могли ковшиками полить друг дружке вместо душа. Совершенно не стесняясь меня, обе встают в ванне.

– Вова, ты-то будешь мыться? – спрашивает Лариса и хихикает, – а то залезай к нам.

Отворачиваюсь от душераздирающего зрелища, иду к костру. До чего же хороши, прекрасны и соблазнительны! Вот сидят у костра с сияющими чистотой лицами. Я курю и люблюсь ими. Они видят это и обе ласково мне улыбаются. Эдакая вечерняя идиллия.

Глава VII. Прибавление в семействе

В огороде проклюнулись первые ростки. Наташа занимается поливом и прополкой. На Ларисе по-прежнему готовка еды. А я таскаю из квартиры пакеты, мешки и коробки. По две ходки за день. Крупы, тушёнка, мука, сахар, концентрированное молоко, овощные консервы. Комната с провизией в квартире потихоньку пустеет. Зато на поляне армейская десятиместная палатка заполняется провиантом.

Пока выношу продукты в тележку, у подъезда её сторожит Алексеич, не расстающийся с «Макаровым». После погрузки садимся с ним на лавочку, закуриваем и делимся новостями. Жизнь у стариков в их «пенсионерской коммуне» потихоньку тоже налаживается. Они все перебрались жить на одну лестничную площадку. Вовсю огородничают, расширяя посевную площадь. Остальное население дома балбесничает.

– Пойдут в джунгли, бананов нарвут, и сидят всю ночь у костра, песни орут. Потому, как наладились из бананов самогон гнать. Квартиры пустые все обшарили, наскребли еды. Думаю, ещё на пару недель им запасов хватит. А потом – голодать начнут. К огороду мы их не подпускаем. Я сразу предупредил, что стрелять буду на поражение, – вещал мне Алексеич.

Пожелав старику удачи, направляюсь к нашей поляне вдоль морского берега. Памятуя об морских чудышах, на всякий случай держу море в поле зрения краем глаза.

Лариса помогает мне разгружать тележку с радостными восклицаниями:

– Ух, ты, компотик вишнёвый!

– Открою вам вечером баночку.

Размещением продуктов в палатке командует Лариса. Ей, как повару, решать, что должно быть под рукой, а что можно задвинуть пока и подальше.

На следующий день, когда перед дальней дорогой я курю с Алексеичем на лавочке, к нам подходит женщина, ведущая за руки двух девочек близнецов. Годика по три каждой. Девочки грязные и замурзанные. Женщина нетрезвая.

– Забери себе девок моих, – обращается она ко мне, – всю дорогу ведь жрать просят, а бананы уже есть не хотят. А что я им ещё дам? У тебя вон, жратвы полная тележка. За пару банок консервов отдам девок. Бери, не пожалеешь. Они тихие, спокойные. Только плачут, когда голодные.

– Пойдёте со мной? – спрашиваю девочек, – тётя Лариса вас супом покормит и кашей.

Они обе согласно кивают с серьёзными лицами. Я достаю из коробки четыре банки рыбных консервов и отдаю женщине. Прижав банки к груди руками, она молча поворачивается, пошатываясь идёт к костру, горящему за рекой.

– Мама, – пискнула одна из девочек.

– Никакая она вам не мама, – вздыхает Алексеич, – даже слова на прощанье не сказала. Вы идите, Даша и Маша, с этим дядей. Он добрый. С ним не пропадёте.

Попросив Алексеича ещё посидеть на лавочке, взлетаю пулей на свой пятый этаж. Беру из квартиры бутылку с минеральной водой, кружку. Из коробки достаю пару плиток шоколада. Запираю квартиру, сбегая вниз. Получив по плитке шоколада, девочки немеют от восторга, потом, немедля принимаются шуршать фольгой.

Прощаюсь с Алексеичем и, толкая тележку, иду к берегу. Девочки покорно идут за мной, доедая на ходу шоколадки.

Обратный путь намного дольше обычного. Через каждые пару километров устраиваю небольшой привал. Близнецы грызут галеты, по очереди прикладываясь к кружке с минералкой. Но идут, не жалуясь на усталость, довольно бодро. Вот, наконец, и поляна.

Лариса колдует у котелков с едой, Наташа пропалывает грядки. Оглядываются только тогда, когда я открываю ограду.

– Ты чего так долго? – спрашивает Лариса, – ой, а это кто? – из-за моей спины показываются две маленькие фигурки. Запахи еды завораживают девочек.

– Принимайте пополнение. Это Маша и Даша. Правда, пока не знаю, кто из них Маша, а кто – Даша.

– Мамочки мои, до чего ж чумазые, – ахает подошедшая Наташа, – хорошо, что я воды нагрела, как чувствовала. Первым делом надо их в ванну засунуть. Давай, Володя, ещё воду ставь, потом тележку разгрузите.

Через час нелёгкий Наташин труд увенчался успехом. Розовощёкие близнецы, закутанные в Ларисины футболки, усердно брякают ложками в мисках, поглощая суп. На второе их ждут мои любимые макароны по-флотски. Грязная одежонка девочек откисает в тазу. Наташа и Лариса не обедают, а смотрят, как насыщаются Даша и Маша. После обеда Лариса собирается их обстричь наголо.

– Ничего, потом обрастут. Главное, чтобы вшей не было.

– А есть? – пугаюсь я.

– Не знаю. Бережёного бог бережёт. Опять же без волос не так жарко. Мы с Наташей довольны, что подстриглись.

– Вы мне с короткими стрижками больше нравиться.

– Мы так и поняли.

Наташа объявляет девочкам, что сегодня тихого часа у них не будет, но с завтрашнего дня, после обеда, она уложит их поспать.

– А тебе, Лариса, хлопот добавится, надо будет им полдник после сна устраивать.

– Да не проблема, чай с печеньем сделать или оладушек со сгущёнкой.

– Сегодня компота банку открою и печенья по пачке выделю, – решаю я.

Лариса стрижёт девочек, Наташа опять загоняет их в ванну и поливает из ковшика, чтобы смыть остатки стриженных волос. Потом, чтобы головы не напекло солнцем, повязывает беленькие косыночки. В этих косынках и футболках до пят, Даша с Машей похожи на древнерусских деревенских детей. Различать их, оказывается, очень просто: у Даши на щеке маленький звездчатый шрамик. Он не обезображивает личико девочки, зато позволяет отличаться от Маши.

Наташа стирает близнецам их бельишко. На жаре к вечеру высохнет. Я иду к опушке леса с топором и ломом, выкорчёвываю пару пеньков. Устанавливаю их у кострища – теперь девочкам есть на чём сидеть. Открываю банку ананасов кусочками и накладываю две полных кружки. Достая из палатки-склада пару пачек печенья. Девочки чайными ложками достают из кружек кубики ананаса, грызут печенье. На лицах написано блаженство.

– Какая вкусняшка, – не выдерживает Даша.

– Вкуснотища, – поддерживает её Маша.

– Нравится вам у нас? – спрашивает их Лариса, готовя на костре ужин. Близнецы дружно кивают.

– Мама у нас хорошая была, пока нас в джунгли не закинуло. Она воспитательницей в детском саду работала, мы к ней в группу ходили, – объясняет Даша. Разговаривают девочки очень чисто, не картавят, не шепелявят, все звуки выговаривают правильно. – А когда мы здесь очутились, она заплакала: «Как же мы без нашего папы жить будем?». И стала с разрисованным дядей водку пить, что от папы в холодильнике оставалась. Потом дядя Володя разрисованного дядьку убил, а мама всё равно водку пить не перестала. Принесёт нам бананов связку, а весь сахар и хлеб унесла, чтобы водку делать. Дедушка Алексеевич нас по чуть-чуть подкармливал. Редиски дал по две штуки...

– Редиска у нас скоро своя вырастет. И лучок, и морковка, – подошла к костру Наташа, – Володя, я завтра утром с тобой пойду. Надо девочкам одежду принести, игрушки. Дома у меня книжек детских полно осталось, если на растопку не пустили.

– Да, уж, как-то я про это не подумал, второпях. Растерялся, что таким приданым наградили.

– Замечательное приданое, – обняла девочек Наташа, и они прильнули к ней со счастливыми лицами. Наталья взяла их за руки и повела по нашему участку, показывая, где что расположено.

Накормили девочек ужином пораньше. Мы привыкли ужинать уже впотьмах, при свете костра. А близнецов надо было укладывать спать. После сытного ужина они «клевали носами». И, едва солнце опустилось за деревья, Наташа уложила девочек в свою палатку. Даша и Маша вежливо пожелали всем спокойной ночи и почти мгновенно уснули. Напевавшая им колыбельную, Наташа вылезла из палатки и прижала палец к губам. Мы перешли на шёпот.

– Спят ангелочки, умаялись за день, – вздохнула Наташа, улыбаясь.

– Не тесно вам в палатке будет? – спросил я у неё.

– Палатка-то четырёхместная, а нас в ней только трое.

– Хочешь сказать, что Маша и Даша за одного взрослого сойдут?

– Нет, хочу сказать, что Ларисёнок к тебе переселится. Надеюсь, не обидишь малолетку?

– Вау! – шёпотом выкрикнула Лариса и запрыгала у костра, – я сама его обижу. Сбылась мечта идиотки!

– Ты учти, мечтательница, тут ни акушеров, ни гинекологов нет, – одёрнула Ларису Наталья.

– Ты что, Наташа. Да у повара гигиена на первом месте. Я, как девочек подстригла, сразу мыться пошла. И дни у меня сейчас самые безопасные, только вчера месячные закончились.

– Меня упрекала, что я тороплюсь в постель к Володе, а сама...

– Что же, я рядом с ним, как полешко, лежать буду?

– Ладно, будем считать, что появление Даши и Маши принесло тебе удачу в личной жизни.

– Ага. За что я им безмерно благодарна. У меня, как раз, комплект чистого постельного белья есть.

– Кровь на простыне будешь демонстрировать после первой брачной ночи? – ехидно прошептала Наташа.

– Да, ну тебя, – смущённо шепнула Лариса, но радостно улыбаться не перестала.

Глава VIII. Женщины мои

С первыми лучами утреннего солнца, лежащая в моих объятиях обнажённая Лариса, открыла глаза. И улыбнулась мне ласково и счастливо. Гордо прошептала:

– Вот и стала я твоей женщиной. Если не считать, что сначала было чуть больно, то всё остальное – прекрасно. А в конце чуть с ума не сошла. Как от крика удержалась, не знаю. Так орать хотелось от наслаждения.

– Мне тоже пришлось сдерживаться.

– Но немножко порычал всё-таки. Хорошо тебе было, я же видела.

– Ещё бы! – и поцеловал торчащий сосок на белоснежной груди.

– Век бы с тобой рядом пролежала, но плита зовёт, – вздохнула Лариса, – ничего, дотерплю до следующей ночи. Ты теперь мой. А я – твоя.

Встала на четвереньки и поползла к выходу из палатки, с футболкой и трусиками в руках. Я не удержался и легонько шлёпнул по белой округлой попке. И поцеловал место шлепка.

Наташа тоже встала сегодня рано. Потому, как надо было поскорее сходить к дому. Умывшись, Наташа подошла к костру позавтракать. Не говоря ни слова, вопросительно посмотрела на Ларису и та показала ей большой палец, поднятый кверху.

– Ясно, – вздохнула Наташа и принялась есть. Через полчаса мы уже шли по берегу, покурить я решил на ходу. Наталья надела на ремень шортов кобуру с газовым «Браунингом». Девчонки привыкли к оружию, я для практики дал им пострелять и из помповика, и из пистолета. Патронов от «Сайги» пожалел.

Шли мы быстро. К дому подошли, когда на моих наручных часах не было ещё и девяти часов утра. Но Алексеич уже бодрствовал. Пока я таскал в тележку коробки с продуктами, он вызвался привести к нам мать Даши и Маши. Она явилась с опухшим лицом, нечёсаными волосами, заспанная.

– Одежду для Маши и Даши отдай, – потребовала Наталья.

– Консервов дадите, будет одежда.

– Ну, квартиру-то твою нам покажут, сами возьмём. А вот консервы покойникам ни к чему, – спокойно отрезала Наташа, доставая из кобуры «Браунинг». Клацнула затвором.

– Пойдёмте, всё отдам, – испуганно забормотала пьянчужка.

Наташа набила сумку летней одеждой и обувью близнецов. В другую сумку положила их игрушки. Часть игрушек достала из чулана в своей квартире. Набрала кучу книжек: и Чуковский, и Маршак, и сказки Пушкина. Взяла пару альбомов, цветные карандаши и фломастеры. И даже коробку пластилина разыскала.

– Будет чем моих девочек занять, – радовалась она. И прихватила из своей квартиры покрывало. Я не стал спрашивать, зачем. Тележку набили доверху. Как всегда, перекурил с Алексеичем. Но Наташа торопила в обратную дорогу, поэтому беседа со стариком была короткой.

Мы прошли примерно половину пути, когда Наталья вдруг пошла от берега через пляж в сторону леса. При этом взяла из тележки лежавшее сверху покрывало. В джунглях находилась небольшая поляна, которую я ранее отверг из-за её малой величины. Вот на этой поляне Наташа и расстелила покрывало. Я шел за ней, оставив тележку на берегу – что ей сделается. Сняв кроссовки, Наташа расстегнула ремень шортов и стянула их с себя вместе с кобурой. В мгновение ока скинула футболку и осталась в одних трусиках. Лифчики они с Ларисой теперь совсем не одевали.

– Тебе надо что-то подробно объяснять? – спросила меня Наташа и я расстегнул ремень на джинсах. Через минуту мы лежали на покрывале нагишом и я покрывал нежными поцелуями прекрасное девичье тело. Прошло ещё полчаса и, дрожащая от возбуждения Наташа, выгибаясь дугой, задышавшись, выкрикнула:

– Возьми меня, Володенька, не могу больше!..

Рядом никого не было и Наташины крики, и стоны заглушали пение птиц. Содрогаюсь от оргазма, она простонала:

– Мой, мой! Любимый! Ах, как сладко!!!

– Наташенька моя, – прорычал я ей на ушко. Стиснув друг друга в объятиях, мы рухнули в пропасть.

Пришли в себя через сколько-то минут. Продолжая ласкать Наташу, я ощущал, как вздрагивает её тело, но дыхание уже успокаивалось.

– Боже, какое это было чудо, – тихо простонала она. И вдруг вскочила на ноги.

– Всё, всё. Надо идти. Я-то думала, что это займёт минут десять-пятнадцать. А, кажется, целая вечность прошла.

Я посмотрел на часы, валявшиеся рядом с одеждой. Всего-то полтора часа прошло. Наташа торопливо одевалась. Стал одеваться и я. на покрывале отчётливо было видно пятно крови. Наташа показала на него пальцем:

– Не сомневаешься, что ты у меня первый?

– Посыпь солью и застирай.

– Нет уж. Буду хранить, как реликвию. На этом покрывале я отдалась любимому человеку и стала женщиной, – бережно свернула покрывало и пошла к берегу. Я шёл позади, на ходу набрасывая ремень «Сайги» на плечо.

Когда пришли на поляну, близнецы только что закончили обедать и с радостными воплями бросились к Наташе обниматься.

– Так, что я вам привезла, посмотрите после полдника. А сейчас умываться и спать, – строго скомандовала Наталья, но при этом ласково улыбалась девочкам. И они послушно улеглись в палатке. А мы опять перешли на шёпот.

Наташа перебирала одежду девочек: что чистое, а что надо постирать. Лариса взялась доставать из тележки продукты. Увидела покрывало, развернула его, обнаружив пятно крови. Вопросительно посмотрела на Наташу, и та, улыбаясь, показала ей большой палец.

– Наш пострел везде поспел, – прошептала мне Лариса, – в один день сразу двоих невинности лишил. Это, что же, вы по-пионерски, на бегу?..

– Ага, – отозвалась шёпотом Наташа, – совсем на бегу, полтора часа провалялись.

– Ой, у тебя вон и на ноге кровь видно, – шепнула ей Лариса.

– Так разлёживаться-то некогда было, дальше надо идти. Это тебе хорошо было всю ночь в палатке... Зато, я орала, как резаная.

– Больно было?

– Ни капельки. Только когда пошла, чуть болело поначалу. Орала от наслаждения.

– Повезло. А мне пришлось ночью простыню грызть, чтобы не кричать.

– Всё, закрыли сексуальную тему, – одной рукой я обнял Ларису, другой – Наташу. Притянул их к себе, и они обвили меня сразу четырьмя руками, крепко ко мне прижавшись.

– Вот что, девочки мои, точнее, женщины мои. Чтобы никакой ревности и никакого соперничества между вами не было. Я люблю вас обеих. Правда, немного по-разному, поскольку вы – разные. Но вы мне обе одинаково дороги и выбор между вами я сделать не могу, – поцеловал Ларису, поцеловал Наташу.

– Что ж поделаешь, если ты у нас один-единственный, – шепнула Наташа.

– Но мы согласны делить тебя между собой, чем искать кого-то среди козлов из дома, – подытожила Лариса и Наташа с ней согласилась. Семейный союз был заключён.

Глава IX. Первый дождь

Решив, что запаса продуктов нам пока хватит, занялся обустройством нашего лагеря. Над кострищем на высоких жердях закрепил большой брезентовый тент. Он прикрывал от палящих солнечных лучей Ларису во время готовки. И должен был предохранять от дождя. Хотя, до сих пор, ни одной тучки на небе не появлялось, облака-то были огромной редкостью.

Рядом с основным костром, появилось ещё одно кострище, обложенное камнями. В центре его располагался большой плоский камень, который Лариса тщательно вымыла. Я вспомнил, что в одном из чуланов были мешки с углями для шашлыков. Притащил их из дома, камень нагрели, и Лариса плюхнула на него тесто.

Первые две тёплые лепёшки достались, разумеется, близнецам. Надо было видеть, как они эти лепёшки «уписывали», даже забывая макать в абрикосовый джем, который им положили на блюдечко.

– Сто лет хлеба не ели, – радовались девочки, – галеты, всё-таки, не хлеб.

– Три годика живёте, а хлеба сто лет не видели, – смеялась Лариса.

Над основным кострищем на толстых крепких рогатках лежал теперь железный лом. Возле костра лежали толстые рабочие перчатки сварщика. Ими можно безбоязненно брать горячий лом. А над костром спокойно можно было повесить три, а то и четыре ведра с водой. Привёз кухонный стол, чтобы Ларисе не держать продукты на земле. Хотя ели, по-прежнему, держа миски на коленях, сидя на пнях. Создание столовой было в планах дальних, надо тащить из дома стол и стулья. В пустующих квартирах в них недостатка не было.

Наташа, всё свободное от огорода время, посвящала близнецам. Они с игрушечными лейками ходили между грядок, поливая овощи. Брала формочки, совки, лопатки и уходили за ограду, играть в песочек. Но не на морском берегу, а на берегу нашего ручья, где он вытекал из леса на песчаный пляж. Наташа, вооружившись помповым ружьём, охраняла играющих детей. Читала Даше и Маше книжки, пела вечером колыбельные. Девочки, действительно, были тихими и спокойными. Любили рисовать, лепить из пластилина. Не шумели, никому не надоедали. С удовольствием хрупали первыми редисками и сочными молодыми морковками. Пёрышки зелёного лука Наташа их есть заставляла:

– Вам витамины всякие нужны.

Ларису близнецы называли тётей Ларисой, а Наташу – всё чаще – мамой. Лариса, видя, что Наташа загружена с Дашей и Машей, кроме готовки взяла на себя и всю стирку.

У меня же целую неделю заняло сложнейшее инженерное сооружение у края ограды. Унитаз я из дома не потащил, но на стульчаке из брёвнышек были закреплены круг и крышка от унитаза. А вот над выгребной ямой и системой канализации пришлось потрудиться. Теперь все отходы нашей жизнедеятельности из выгребной ямы, выложенной большими кафельными плитками, по толстым наклонным трубам стекали в огромный котлован, вырытый далеко в стороне от лагеря, на опушке леса.

Чтобы выбраться из этого котлована мне пришлось в его стенке проделать ступени. Два дня копал котлован. Ещё три дня закапывал трубы. С утра до ночи. При этом всё размышлял, что во всех прочитанных мною книгах, герои как-то обходились без гальюнов. У того же Даниэля Дефо подробнейшим образом описывается жилище Робинзона Крузо. А вот оправлялся он, вероятно, в углу своей хижины, создавая «аппетитную» кучку. Ну, это так, к слову. И лопухами нам подтираться придётся не скоро. Кроме двух коробок туалетной бумаги, есть ещё коробка бумажных салфеток и две коробки бумажных же полотенец.

Утром, чуть свет, из палатки вылезла Лариса. Ей надо было приготовить завтрак на всех. Я поднимался чуть позднее, завтракал и начинал набирать воду в вёдра, в ванны. Но сегодня Лариса сразу же просунула голову назад, в палатку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.